

ЭТА

18+

ЛОЖЬ

УБЬЕТ

ЛУЧШИЕ
МОЛОДЕЖНЫЕ
ТРИЛЛЕРЫ

ТЕБЯ

ЧЕЛСИ ПИТЧЕР

ПРАВДА МОЖЕТ СТОИТЬ КОМУ-ТО СВОБОДЫ.

ЛОЖЬ – МОЖЕТ УБИТЬ.

Молодежный психологический триллер

Челси Питчер

Эта ложь убьет тебя

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Питчер Ч.

Эта ложь убьет тебя / Ч. Питчер — «Издательство АСТ»,
2018 — (Молодежный психологический триллер)

ISBN 978-5-17-113673-4

В уединенном доме посреди леса пировала компания друзей. Их вечеринка закончилась смертью парня... Пятеро подростков, возможно, знают, что произошло той ночью, но хранят молчание. Год спустя они вновь встречаются в напичканном секретами, наводящем ужас особняке, чтобы найти убийцу. Конверты будут вскрыты, маски сорваны, волчок запущен. РАЗ, ДВА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ, МЫ ИДЕМ ТЕБЯ ИСКАТЬ.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-113673-4

© Питчер Ч., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Год тому назад...	6
1	7
2	12
3	16
4	19
5	21
6	28
7	33
8	35
9	39
10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Челси Питчер

Эта ложь убьет тебя

Text copyright © 2018 by Chelsea Pitcher

© Н. Ибрагимова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

ПОСВЯЩАЮ САННИ.

Спасибо за твое гордое, непокорное сердце

Год тому назад...

Лес горел. Языки пламени лизали темноту, сдирали кору с деревьев и обращали листья в пепел. Внутри этого огромного, сверкающего огненного ада стоял автомобиль со смятым капотом и треснувшими стеклами.

В автомобиле находился мальчик.

Тогда они об этом не знали. Пожарные только подъезжали, и полицейские не подпускали зевак слишком близко. С дороги был виден лишь красный, грозный свет, пульсирующий среди деревьев.

Затем все стало белым. Дым взвился над миром, оседая в их легких и заставляя закрыть глаза. Пепел покрыл все, до чего смог дотянуться, и очертил все контуры в темном лесу.

Именно тогда они увидели автомобиль. Краска от жара отвалилась хлопьями. Кожаные сиденья провалились и покорежились. Они молились вслух, чтобы внутри никого не оказалось, но в самой глубине сознания, нутром, они чувствовали, что там кого-то найдут. Автомобили не приезжают сюда сами по длинным, извилистым дорогам. Не врезаются в дерево и не взрываются, несколько раз перевернувшись.

Сами не приезжают. Но когда автомобили заводят друзей среди смертных, они на все это способны, и даже на большее. Они могут превратить красивый лес в пустошь. Могут превратить прекрасное лицо с бледной, как лунный свет, кожей и удивительными голубыми глазами в восковую свечу, истекающую каплями и теряющую форму, пока от красоты ничего не останется.

Огонь уничтожил почти все. Там, где прежде были длинные, гибкие пальцы, теперь торчали кости. От него поднимался дым, словно его душа ускользала в небо. Люди шептались, что теперь понадобится карточка дантиста, чтобы идентифицировать останки.

Но это будет позже. Сейчас власти занимались мелкими расчетами, сосредоточившись на том, что они в состоянии контролировать. Как им открыть покореженную дверь? Как вытащить тело из машины?

Поодаль, в самой темной части леса, одна девочка тоже занималась подсчетами – считала подозреваемых на пальцах руки в перчатке.

Один, два, три...

Четыре? Конкретные детали оставались неясными, но время все прояснит. Время и тщательно составленный план. До тех пор девочке придется надеть маску и сидеть, подобно кукле на полке, терпеливо выжидая. Это единственный способ выжить. Этот тлеющий скелет прежде был мальчиком, и этого мальчика любили.

Обнимали.

Целовали.

Его уже нет. Огонь превратил его в пепел и кости, и это зрелище заставляло девочку дрожать, по ее щекам струились слезы. Она должна быть сильной. Нет, она должна быть *холодной*, как бесчувственная кукла. Фарфоровые конечности не могут дрожать, а сердце из пластика не может так ужасно болеть. Оно не может разбиться. Не может кровоточить.

Но стеклянные глаза могут за всем наблюдать. И теперь, когда девочка отвернулась от останков машины, новые картинки встали перед этими глазами. Она видела прекрасный особняк на холме и список тщательно отобранных гостей. Руку в перчатке, зажигающую спичку. И, может быть, если все пройдет точно по плану, ее фарфоровые руки и ноги опять станут плотью, а сердце смягчится и станет красным.

Но сначала будет огонь.

1

Приглашение

Джунипер Торрес проснулась с улыбкой. Сегодня – тот самый день. Хотя особых причин считать сегодняшний день особенным не было. На небе не сияло солнце. Оно вообще только-только взошло, но это не имело большого значения. Вселенная разговаривала с Джунипер напрямую, зажигала огонь в ее сосудах и заставляла быстрее биться сердце. Она тихо и весело напевала ей: «Сегодня тот день, когда твоя жизнь изменится».

Она села на постели. Отбросила ногами смятые простыни (и провела рукой по спутанным волосам), подползла к окну и посмотрела вниз. И она стояла там. Светловолосая, плохо одетая женщина-почтальон наклонилась над почтовым ящиком и засовывала туда пачку конвертов. Джунипер почему-то была почти уверена, что среди них будет тот самый конверт.

Она выбежала из своей комнаты. Пробежала по коридору мимо детской младшей сестры и спальни, в которой спали родители, их ноги и руки переплелись, как ветки деревьев, растущих рядом с домом. Вскоре семейство проснется, и она не сможет тайно пошарить в почтовом ящике. Но если она проберется туда очень тихо (не наступив на ту доску и на ту ступеньку лестницы, которые всегда скрипят), то сможет выскользнуть из дома так, чтобы никто не заметил.

Так она и сделала. Из оливкового викторианского дома вышла она в белый зимний мир. За одну ночь двор преобразился. С дубов свисали сосульки, грозя пронзить Джунипер, проходящую под ними. А в конце двора торчал заиндевевший почтовый ящик, как больной палец.

Джунипер рывком открыла его. Ее пальцы лихорадочно перебирали рекламные проспекты, задели края пакета с купонами, а затем она вытащила из темноты конверт. Она поняла, что это тот конверт, которого она ждала, еще до того, как увидела его. Он был большой, и он был толстый, а надпись на нем...

Кроваво-красная? Конверт выпал из ее руки. Он медленно планировал вниз, как летящие вокруг снежинки, и к тому моменту, как он ударился о землю, она поняла две вещи: это не то письмо, которого она ждала. Это приглашение.

Она подняла его из снега. Кто-то написал: «Вас сердечно приглашают принять участие в вечере убийства и хаоса!» на обратной стороне черного конверта, и Джунипер перевернула его, чтобы убедиться, что письмо адресовано ей. Так и оказалось. «Спасибо, но – нет! Спасибо!» – подумала она и разорвала его пополам. Ей совсем не хотелось зря терять время с одноклассниками и еще меньше хотелось делать вид, будто смерть – это нечто очень забавное. Джунипер караулила почту только по одной причине: она ждала письма о зачислении в Колумбийский университет. Их онлайн-система не работала, а это означало, что она получит новости старомодным способом.

Так все и тянулось. Джунипер прибежала к почтовому ящику утром в понедельник, потом во вторник. К среде ее уверенность начала угасать. Почему она так убеждена, что получит это письмо? Да, почти все ее оценки были отличными, но прошлой зимой, после той вечеринки на холмах...

Джунипер встряхнулась. Она всего на месяц выбыла из строя, и большинство учителей позволили ей наверстать упущенное. Даже если она не попадет в выбранный ею колледж, у нее еще есть пара школ в запасе, и поступление туда позволит ей уехать далеко от этого города. Она могла бы еще поступить в медицинскую школу. Лечить людей. Спасать жизни. Все может пойти по плану.

Она уже собиралась вернуться в дом, когда заметила черный конверт в самом дальнем углу почтового ящика. По ее спине пробежала дрожь. Она уже знала, что это за конверт. Приглашение на «вечер убийства и хаоса»!

«Вероятно, они по ошибке отправили два письма», – подумала она, поднимая глаза к небу. Но когда она вытащила конверт из темноты, у нее возникло смутное чувство вины, от которого ослабели руки и ноги. Так всегда бывало. Она проживала свой день, даже не вспоминая о рождественской вечеринке Далии Кейн, и вдруг, неизвестно почему, ее руки и ноги становились тяжелыми. Она чувствовала, что тонет, будто ее тело погружается на дно плавательного бассейна, а люди стоят вокруг и смеются...

– Джунбаг!¹ – Миссис Торрес возникла в дверном проеме, ее лицо покраснелось после стояния у плиты. – Завтрак, ми амор! Что это?

Черт! В такой ранний час рефлексы Джунипер работали слишком медленно. Два часа (и три чашки кофе) спустя она ни за что не позволила бы матери увидеть этот конверт. Но сейчас она попала и теперь не могла порвать этот конверт на глазах у мамы. Ей надо разыграть все, как надо.

Принужденно улыбаясь, она подбежала к двери.

– Какой-то придурок так представляет себе веселую вечеринку, – сказала она, поднимая конверт. Джунипер не протянула его матери; она крепко держала конверт в руке. Но миссис Торрес, должно быть, увидела надпись на обороте конверта – «вечер убийства и хаоса!», – потому что выхватила его из руки дочери.

– О-о, вечеринка. Ты должна пойти.

– Что? Нет. – Джунипер скорчила гримасу. – Вероятно, это в субботу. Я буду смотреть «Рудольфа» вместе с Олив. – Олив была ее младшей сестренкой, и теперь, научившись ходить, она постоянно требовала Джунипер. Джунипер предпочитала считать это практикой перед той работой в больнице, которую она выберет для себя. Лучше привыкнуть к необходимости работать, отводя на сон всего два часа, правда?

– Джунбаг, она – мой ребенок. – Мать убежала в коридор, а Джунипер последовала за ней, стараясь сообразить, как вернуть приглашение. – Хочешь верь, хочешь не верь, мне нравится проводить время с моими малышами.

– И все же ты выпроваживаешь меня из дома.

– Я просто предлагаю тебе пойти. – Мать отодвинула стул от кухонного стола. Олив сидела в своем высоком стульчике, хихикая и пританцовывая с видом, свойственным всем малышам и словно говорившим: «Я вижу невидимых фей». – Разве ты не хочешь повеселиться со своими друзьями?

– Они не мои друзья. Наверное, такое приглашение отправили всем старшеклассникам в школе.

– Тем больше причин пойти, – сказала мать, подходя к ней со старым, треснувшим кофейником. – Просто подумай над этим, хорошо? Ты не умрешь, если сходишь на вечеринку.

«Может, и умру», – подумала Джунипер, и у нее задрожали руки. Она сделала глоток кофе, надеясь, что мать не заметит, как она нервничает. К счастью, миссис Торрес была занята тостадами² на плите. Но кое-кто все-таки заметил, и когда кофе выплеснулось на пальцы Джунипер, ее сестренка нахмурилась и потянулась к сумочке матери. Всего два года, а она уже решила, что макияж – это средство от печали. Джунипер не понимала, откуда сестренка это узнала. В их доме не было принято устраивать конкурсы красоты. Но как бы то ни было, Джунипер была согласна на роль живой куклы для своей сестренки. Глаза Олив так ярко сияли, и ее ротик так радостно улыбался.

– Мо-пада! – провозгласила малышка, доставая ярко-красный блеск для губ, от которого губы Джунипер должны были выглядеть так, будто она только что ела ягоды. Или пила вино.

¹ Имя героини Джунипер (англ. Juniper) означает «можжевельник». Данное ей близкими прозвище Джунбаг (англ. June bug), имеющее близкое звучание, означает «майский жук». (Здесь и далее прим. пер.)

² Тостада – блюдо мексиканской кухни, жаренная во фритюре кукурузная лепешка с овощами.

Это было довольно красиво, а Джунипер соглашалась выглядеть красивой, если это не затмевало другие ее достоинства. Пока Олив наносила блеск на ее губы, она ощутила укол совести и пожалела о том, что не сможет остаться в городе и научить сестру, что надо делать людей лучше, а не красивее. Но она не могла остаться здесь после всего, что случилось, не могла, да и все, чему она хотела бы научить Олив, не перевешивало желания стать врачом, ведь она с детства об этом мечтала. Джунипер сделает все, что решила сделать, и когда-нибудь она увезет свою семью из этого ужасного городка, подальше от всех его тайн.

От его призраков.

Когда блеск был нанесен на губы, Олив захлопала в ладоши, пропищала: «Класивая!», и Джунипер почувствовала, как затягиваются раны на ее сердце.

– Это ты красивая, малышка, – сказала она, когда крохотные пальчики обхватили ее палец. Тем временем их мать у плиты совсем умолкла. Джунипер обернулась, руки ее покрылись гусиной кожей, она увидела, что миссис Торрес оперлась на столешницу и смотрит на листок бумаги.

– Что? Мама, что?

Мать не отвечала, поэтому Джунипер выхватила у нее приглашение. Ей не пришлось хитрить. Только что бумага трепетала в пальцах матери, а в следующее мгновение ее уже там не было. Только что воздух наполнял легкие Джунипер, а в следующее мгновение он исчез.

Дорогая мисс Торрес!

Ввиду ваших отличных результатов в учебе мы рады пригласить вас на ужин, посвященный раскрытию тайны убийства. Будьте готовы решать сложные задачи, так как вы и пять ваших достойных одноклассников будете соревноваться в поисках разгадки этой тайны и должны будете разоблачить убийцу!

Мир станет сценой!

Друг станет врагом!

Костюмы доставят в конце этой недели!

И, конечно, победитель унесет домой желанный приз в виде «Стипендии горящих угольков» размером в 50 000 долларов, которую сможет использовать в школе по его или ее выбору.

Ваш скромный доброжелатель,

Инспектор манежа.

– Это подвох. – Слова вылетели изо рта Джунипер раньше, чем она успела их удержать, и даже после того, как она их произнесла, она не почувствовала желания взять их назад. Даже после того, как потрясенная мать опустилась на стул, внимательно перечитывая приглашение.

– Ты права, оно на субботу, – сказала миссис Торрес. Голос ее слегка охрип, и Джунипер очень не хотелось ее разочаровывать. – Должно быть, у них в последний момент появилась возможность...

– Мам, это подвох. Настоящие стипендии так не предлагают. – Она никогда даже не слышала о «Стипендии горящих угольков». Она никогда о ней не слышала, и ей не понравилось это название.

– Это не предложение, – спокойно возразила мать. – Это конкурс.

– Ради настоящих стипендий не заставляют участвовать в конкурсе, – настаивала Джунипер. – Не вот так. Не на ужине, посвященном раскрытию убийства.

– Ласкlyтые бийства! – крикнула Олив, и Джунипер вздрогнула. Ей не хотелось, чтобы сестра это повторяла.

– Успокойся, малышка. Ешь свои хлопья.

Но это было бесполезно. Забытый завтрак самой Джунипер стоял на плите. Даже чашка кофе сейчас ее не соблазняла.

– Послушай, я кое-что разужнаю, – сказала она и взяла со стола телефон матери, – но я совершенно уверена, что стипендиальные фонды не подписывают свои письма «Инспектор манежа».

– Они пытаются создать веселую обстановку.

– Они пытаются заработать на мне деньги. – Она вбила в поисковик слова «стипендия горящих угольков», ожидая появления первых найденных ссылок. – Вот увидишь. За день до конкурса я получу второе письмо, требующее вступительный взнос. Если нет веб-сайта...

Голос Джунипер замер, когда она открыла первую ссылку. «Фонд горящих угольков» не только имел свой веб-сайт, он выглядел вполне легитимным. Там была страница «О Фонде», где излагались цели проекта (найти уникальные и интересные способы вознаградить отличников, добившихся успехов в учебе, изящных искусствах и спорте), а также страница «Контакты» с телефонным номером, электронным и почтовым адресами. Джунипер поклялась себе связаться с ними всеми возможными способами до субботнего мероприятия, чтобы убедиться, что в фонде работают реальные люди.

Или, скорее, доказать, что это не так.

Она не совсем понимала, почему так противится этому. Стипендия в пятьдесят тысяч долларов изменила бы ее жизнь. Разве она не занималась последние полгода рассылкой заявок на получение всех стипендий, какие только могла найти, в надежде получить одну пятую этой суммы?

– Я никогда не обращалась в этот фонд, – пробормотала она, предпринимая последнюю попытку прибегнуть к логике. – Я бы помнила...

– Иногда учителя делают это вместо тебя. Или школьные наставники. Ты так хорошо учишься, и ты собиралась выступить с речью на выпускном вечере.

Да, я собиралась выступить. А потом пошла на вечеринку, в декабре прошлого года...

– Подожди, дай мне взглянуть. – Она расправила приглашение на столе. Ей не пришлось долго искать дату назначенного мероприятия: 21 декабря. *Ровно* через год после рождественской вечеринки у Далии Кейн.

– Мам...

– Эти деньги очень важны для нас, – мягко перебила ее мать. – Отцу не помешала бы такая хорошая новость.

– Я знаю. – Джунипер бросила взгляд на пустой стул. Проработав пятнадцать лет учителем музыки в начальной школе Фоллен Оукс, мистер Торрес потерял работу в результате недавнего сокращения финансирования. Она слышала, как он возится наверху, выбирает идеальный галстук, готовясь к еще одному унижительному собеседованию с работодателями.

– Ты собираешься сказать ему, что отказываешься от возможности получить пятьдесят тысяч долларов? – Мать в упор смотрела на нее. – После всего, что он пережил?

– Конечно, нет. – Джунипер с трудом сглотнула, сердце у нее сжалось. – Я просто не понимаю, кто мог меня отправить на такое мероприятие. Я самая плохая в мире актриса.

– Может, это сделала Руби.

Джунипер заморгала. Она видела, как мать смотрит на нее, видела краем глаза, как подпрыгивает ее младшая сестренка, но чувствовала себя совершенно потерянной. Словно она парила где-то вне пространства и времени.

– Я просто хочу сказать, что она обожает театральные эффекты. Такой поступок очень в ее духе, – объяснила миссис Торрес. – Почему бы тебе не позвонить ей и не спросить об этом? – Потом так тихо, что Джунипер едва расслышала, прибавила: – Я скучаю по этой девочке.

Я тоже по ней скучаю. Взгляд Джунипер затуманился, когда она вспомнила улыбку Руби, смех Руби, прикосновение Руби. Она оттолкнулась руками от стола, стул под ней закрипел. *Очень жаль, что она не скучает по мне.*

* * *

Джунипер захлопнула дверь своей спальни и прислонилась к ней. Она понимала, что реагирует слишком бурно, но не знала, как это прекратить. Это напоминало один из тех снов, где ты – это ты и в то же время видишь себя со стороны. Будто ты и Бог, и Иисус одновременно.

Она покачала головой, прошла через комнату. Она совсем не была религиозной, считала себя католичкой со склонностью к атеизму. Просто теперь она не была уверена в том, что еще во что-то верит. И все же ее всегда завораживала идея быть Богом и Иисусом одновременно. Находиться внутри своего тела и смотреть на него с большой высоты. Может быть, именно это и означает иметь тело и душу, находиться в одной-единственной точке и повсюду одновременно.

Джунипер отыскала в сумочке телефон. Она говорила себе, что это случайные мысли, размышления девочки, которая все еще отчаянно нуждается в утреннем кофеине, но в глубине души она знала правду. После всего, что она сделала с Руби, ей хотелось верить в возможность возрождения отношений.

Ей хотелось верить, что у нее есть душа.

Дрожащими пальцами она набрала сообщение: «Ты выдвинула мою кандидатуру на получение Стипендии горящих угольков?» Номер Руби все еще хранился в памяти ее телефона. Она не решалась его стереть, и в этом была ирония, учитывая то, что именно она стерла из жизни Руби.

Человека.

Она нажала «отправить», потом бросила телефон на кровать. Она ни за что не станет ждать у телефона, как грустная девчонка в вечер перед выпускным балом, которая все надеется и надеется, а сердце ее уходит в пятки. Но, возможно, *Руби* ждала *ее*. Телефон звякнул почти сразу же, и она бросилась к кровати и схватила его, впилась глазами в ответ: «Нет».

Джунипер расхохоталась. Это был холодный, ломкий смех, так сухие ветки ломаются под ногой. Конечно, Руби не подавала ее кандидатуру на получение стипендии. Конечно, Руби не заботилась о ней, прячась за кулисами. Их дружба закончилась. Она закончилась уже очень давно.

Она опустила на кровать. Когда экран телефона опять загорелся, она удивилась, почувствовав, как подпрыгнуло ее сердце. Как она могла до сих пор надеяться, после всего, что произошло? Ее сердце было разбито в кровь. Ящик Пандоры, полный горя и сожалений. Но где-то в темноте сверкала надежда. От этой надежды у нее перехватило дыхание, когда она прочла сообщение от Руби.

«Я не выдвигала твою кандидатуру, – писала Руби, – но я собираюсь пойти на эту вечеринку. Может, мы сможем разгадать эту тайну вместе?»

Джунипер не была уверена, что найдет нужные слова, поэтому послала смайлик вместо ответа.

2

Королева драмы

Руби Валентайн была фейерверком, который вот-вот взлетит в воздух. Ее кожа потрескивала, а кончики пальцев зудели. С тех самых пор, как она получила приглашение от «Фонда горящих угольков», она скакала то на одной ноге, то на другой, переполненная возбуждением. Какая сказочная возможность! Странная, да, но в Фоллен Оукс всегда происходили странные вещи. Люди появлялись ниоткуда и исчезали так же быстро. Хорошенькие девушки без памяти влюблялись в чудовищ. Мальчики превращались в огонь, в чистый, сверкающий свет.

«Город фриков, надевших красивые маски», – подумала Руби, отводя взгляд от своего отражения. Она-то умела разыграть спектакль. И сейчас, перед тем, как отправиться на вечеринку века, ей придется выступить перед матерью. Закутавшись в халат поверх красного, усыпанного блестками вечернего платья, она нанесла немного рассыпчатых румян на носик.

Румяное личико должно убедить мать.

Она бросилась бежать из своей комнаты, как принцесса, спасающаяся от чудовища. Другая бы непременно споткнулась. Но в отличие от Джунипер Торрес, которая не умела балансировать на одной ноге больше десяти секунд, Руби обладала грацией прирожденной балерины, а когда была полна решимости, ее руки и ноги обретали легкость. Она парила. Скользнув в гостиную, она опустила на колени позади жалкого старого дивана и прошептала на ухо матери.

– Мам? Я не могу уснуть.

Мать обернулась. То же самое сделали Скарлет, Шарлотта и Мей. Четыре хорошенькие рыжие головки повернулись к ней. Четыре пары глаз уставились на нее.

– Который час? – спросила миссис Валентайн, зевая. Ее рыжие волосы были стянуты сзади в растрепанный лошадиный хвост, а ночная сорочка в цветочек видывала лучшие времена.

– Десятый час, – ответила Руби, бросив взгляд на свой телефон. Вечеринка начиналась в десять. – Вам, девочки, следует ложиться спать.

Ее сестры закапризничали, и мать Руби вздохнула, уже сникая под грузом ответственности. Когда-то у миссис Валентайн был муж, и он помогал укладывать в кровать малышей. И еще он помогал им подниматься утром и готовить ланч. Теперь его нет, и мать Руби приходится самой растить четырех девочек. Почти каждый вечер Руби делила с ней это бремя, но сегодня не могла это сделать. Ей придется сделать вид, будто она идет спать, чтобы потом иметь возможность выбраться через окно. Но сначала ей нужно получить доступ в сейф, стоящий в подвале.

Миссис Валентайн внимательно вгляделась в лицо дочери. У них были одинаковые голубые глаза, одинаковые веснушки на переносице. Одинаково ужасный вкус в выборе мужчин.

– Еще пять минут, девочки, – сказала она через секунду. – Шарлотта, ты сегодня будешь спать в моей комнате, чтобы не беспокоить сестру.

– Она меня не беспокоит, – возразила Руби. – Меня беспокоит мой *мозг*. Когда я не могу уснуть, я...

– Тебе опять снится тот сон?

Руби замерла. Она даже не подумала о том, что мать может заговорить о том кошмаре. Когда они в первый раз его обсуждали, миссис Валентайн побледнела как смерть. Учитывая то, что у всех женщин и девочек в семье была молочно-белая кожа, это было поразительное зрелище. Руби смотрела, как ее мать превращается в привидение, и это напугало ее больше, чем она была готова признать. Руби не боялась жизни и не боялась смерти, но она боялась призраков.

И у нее была веская причина их бояться.

– Я просто лежала и пыталась уснуть, – начала она. – Но все время думала об этом сне и старалась о нем не думать, но становилось еще хуже. – Руби опустила голову. Если она будет слишком настойчива, ей придется снова идти к психиатру. Но если она будет недостаточно настойчива, мать не позволит ей залезть в сейф.

– Мне нужна только одна таблетка, – пообещала она. – Я могу принести наверх бутылку, и ты сможешь сосчитать...

– Не надо ее приносить, – ответила мать. – Я должна тебе доверять. В этом все дело.

Руби кивнула. «Теперь назови мне код», – подумала она, слегка шмыгая носом. Она хотела напомнить маме, что она маленькая, невинная девочка. Не борец. Нет. Просто ребенок, которому нужна мамочка.

Миссис Валентайн улыбнулась и коснулась ладонью щеки Руби.

– Три-одиннадцать-девятнадцать, – произнесла она, и Руби кивнула и сказала:

– Спасибо. В последний раз.

Она встала. Ей пришлось сдерживаться изо всех сил, чтобы двигаться медленно и плавно. Ей хотелось убежать. Убраться отсюда как можно скорее, пока мать не передумала и все не испортила.

Через двадцать секунд она уже стояла перед дверью в подвал. Она открылась поворотом ручки, и на ее голову высыпалась туча пыли. Подвал был недоступен для младших девочек, которые могли споткнуться и разбить голову, упав с лестницы. Могли заблудиться в лабиринте из ящиков, или их могли искушать мыши. Им действительно не стоило спускаться сюда. Но Руби нравилось находиться в этом единственном месте во всем доме, куда никто за ней не последовал бы, не дергал бы ее за рукав и не нарушал тишину. Даже холод и тишина были приятными.

Это было ее убежище.

Затем она просто дернула за шнур, зажегся свет, и комната стала тем, чем была на самом деле, – подвалом. Свалкой выброшенной одежды и обезглавленных игрушек, с лужами воды, источника которой никто не мог найти. У дальней стенки стоял книжный стеллаж, который смастерил отец, где когда-то лежали семейные фотоальбомы, но теперь полки опустели.

Руби сморгнула слезы.

Она не должна плакать по-настоящему. Слезы – это для сцены и для мамы, в минуты отчаяния. Сегодня вечером ей отчаянно нужно забраться в сейф. Когда она подошла к маленькому черному ящику, все ее тело охватил холод.

Она встала на колени и повернула диск. Три. Одиннадцать. Девятнадцать. Замок сейфа щелкнул, и Руби рывком распахнула дверцу, потом достала из темноты коробку. Она была тяжелее, чем она ожидала, и холодная.

После исчезновения отца Руби миссис Валентайн положила в него две вещи: пузырек с таблетками снотворного и револьвер, который нашла в задней комнате антикварной лавки. Но если таблетки были предназначены для Руби и поэтому первые несколько месяцев они лежали на ее ночном столике у кровати, то револьвер обосновался в сейфе в подвале. Пузырек несколько раз пополнялся, а потом миссис Валентайн заперла подальше и таблетки тоже, считая нужным контролировать прием дочерью лекарства.

Теперь, спустя два года после распада их семьи, Руби почти забыла о револьвере. Она провела пальцем по изгибу оружия, отведя ствол в сторону от себя. Она понимала, как оно опасно. Она прошла курс обучения безопасного обращения с оружием после того, как отец исчез, а у матери появилась навязчивая идея, что ее дочерей могут похитить. По мнению миссис Валентайн, похитить могут в любой момент. По дороге из школы при свете солнца. Во сне в своей кровати. И хотя Руби знала, что такие вещи случаются, ее гораздо больше пугало, что сестры могут наткнуться на револьвер и решить, что это игрушка. Она уговорила мать

сразу приобрести сейф, чтобы хранить оружие под замком в таком месте, куда они могли бы добраться, если понадобится, не подвергая риску сестер. И поэтому револьвер лежал в темноте и покрывался пылью, скорее как символ, чем оружие.

До сегодняшнего вечера.

Револьвер стоял на предохранителе. Руби убедилась в этом перед тем, как спрятать оружие в складках платья. Заперев сейф со щелчком, она повернула диск. Она знала, что мать в эту ночь не спустится в подвал. Не станет проверять пузырек с таблетками, чтобы убедиться, что дочь взяла не слишком много. За прошедший год Руби снова завоевала ее доверие. И теперь, с револьвером, прижатым к бедру, Руби собиралась воспользоваться этим доверием.

Никто ничего не должен заподозрить. Она бесшумно поднялась по лестнице, остановилась за спинкой дивана и поцеловала мать в щеку. Потом поцеловала каждую из сестер, одну за другой, а потом быстро прошла по коридору. Закрыв за собой дверь спальни, она сунула револьвер в свою красную сумочку с блестками.

Сумочка была частью ее костюма. Ее доставили вчера по почте вместе с платьем, перчатками и туфлями. Всё одинакового цвета. Даже губная помада подходила по цвету. Если у нее будет минутка, чтобы накрасить губы. Но сначала она сбросила халат и затолкала его под одеяло, чтобы было похоже, что там спит человек. Это была жалкая иллюзия, которая не обманула бы большинство родителей, но миссис Валентайн жила словно в тумане. Она потерялась, совсем исчезла, превратилась в ничто, когда отец Руби исчез, и, хотя она с каждым днем все больше приходила в себя и становилась прежней, ей нужно было пройти еще долгий путь.

Руби на это рассчитывала. Она также рассчитывала на то, что никто ее не побеспокоит, если будут думать, что она спит. Шарлотта получила урок два года тому назад, когда прибежала в комнату, услышав крики Руби. Она попыталась разбудить сестру, но Руби так ужасно металась, что швырнула бедную Шарлотту на пол.

Руби чувствовала себя виноватой даже сейчас. После исчезновения отца синяки на руках и ногах должны были исчезнуть. Эти малышки не должны бояться, что их отшвырнут в сторону так небрежно, словно они совсем ничего не весят. В ту ночь Руби попросила таблетки снотворного в надежде, что от них ее руки и ноги станут такими тяжелыми, что она не сможет никому навредить.

Но в действительности дело было не в том, чтобы избавиться от кошмарного сновидения.

Этот кошмарный сон был очень четким. Он всегда начинался одинаково: Руби садилась на своей постели. Ей казалось, что она просыпается, а потом кто-то начинал напевать. Мягко и тихо, приятным, вибрирующим баритоном.

– Папа? – шептала Руби.

Это был глупый вопрос. Конечно, это был он. Даже если из его глазниц вываливались червяки. Даже с такой бледной кожей, что невозможно было поверить, что он живой. И все же он шире приоткрывал дверь, нетвердо держась на ногах, уже начавших разлагаться. Иногда какая-нибудь кость ломалась, и он падал на колени. Но все равно добирался до нее.

Шел ли он, спотыкался или полз.

– Я ничего не сделала! – говорила она ему. Она всегда так ему говорила раньше, когда эти блестящие, подмигивающие глаза начинали погружаться в тень.

– Ты лгунья, – отвечал он. – Ты знаешь, что происходит с лгуньями.

Руби знала. Знала с тех пор, когда была маленькой девочкой и могла еще прятаться в укромных уголках и под кроватями. Знала потом, когда научила сестричек тем же трюкам. А когда стала совсем большой и никак не могла убежать от него, он нависал над ней и резко выбрасывал к ней руку. Хватал за ворот или за лицо. Во сне его ногти вонзались в ее щеки, грозили разорвать ее на части. Она опускала взгляд и видела землю, покрывающую пол. Она поднимала глаза и видела деревья, окружающие ее кровать. И понимала, что это уже не ее комната.

Это ее могила.

У нее вырывался вопль, дикий и полный страдания. Но никто не приходил к ней на помощь. Никто не слышал ее, пока однажды ночью не прибежала Шарлотта и не стала трясти Руби. Шарлотта спасла ее от него, и Шарлотта поплатилась за это.

Тогда Руби заполучила таблетки снотворного, и ночной кошмар слегка смягчился. Теперь, два года спустя, он почти исчез. Но когда Руби смотрела на себя в зеркало и видела, что ее кожа лишилась всех красок, у нее возникало ужасное предчувствие: она стояла на своих собственных похоронах и пыталась убедить людей, что она не умерла.

– Он не умер, – твердо сказала ей мать в тот единственный раз, когда Руби рассказала ей содержание своего сна. – Он нас бросил, Руби. Он не умер.

Руби тогда кивнула, оставив свои мысли при себе. Если бы ее отец был жив, он бы мог вернуться к семье. Начать с чистого листа или окончательно свихнуться. Руби была готова со всем покончить. Покончить с тоской по отцу и с ненавистью к нему.

И, наверное, она сможет. Может быть, сегодняшний вечер будет началом конца. Она пойдет на вечеринку, разгадает тайну и оставит все позади. Этот город. Его маленькие грязные тайны.

Все воспоминания об ужасе и восторге.

«С чистого листа», – подумала Руби, засовывая телефон в сумочку. Его экран осветился, сообщая, что ее ждет такси. Она не могла поехать в своей машине. Мать заметила бы это.

Итак, она расправила плечи, говоря себе, что поездка будет совсем короткой. Ей даже не придется разговаривать с водителем. Руби погасила свет. Надела туфли, перчатки, взяла сумочку, вылезла из окна на первом этаже и исчезла в ночи.

3

Золотой мальчик

Паркер Эддисон не мог поверить в свою удачу. Руби Валентайн садилась в его машину. *Его* Руби, девушка, которой он отдал свою невинность. Девушка, завладевшая его сердцем. Год назад она выскользнула из его объятий.

Сегодня он снова ее завоюет.

Паркер поправил зеркало заднего вида в пятидесятый раз, глядя на свое отражение. На нем был костюм темно-зеленого цвета, подчеркивающий изумрудный цвет его глаз, а светлые волосы лежали в идеальном беспорядке, к ним так и хотелось прикоснуться. Именно так, как нравилось Руби. Но он не пытался ее поцеловать, пока не пытался. Не клал ладонь на ее колено. Он все сделает правильно, и она снова упадет в его объятия.

Сидящая рядом с ним Руби вздохнула.

– Что не так, детка? – Это слово само слетело с его губ. Любое другое слово казалось неподходящим. Все же, чтобы исправить ошибку, он прибавил: – Между прочим, ты классно выглядишь.

Руби фыркнула, глядя в окно.

– Просто веди машину.

Паркер вспыхнул, выехал с обочины на дорогу.

– Проклятье, Руби, почему ты не хочешь дать мне шанс?

– Шанс на что? На то, чтобы вернуться назад во времени? Стать другим человеком? – Она даже не желала смотреть на него, и это было хуже, чем резкий тон. Хуже, чем смех. Если бы она *посмотрела* на него, она бы вспомнила, за что любила его, и все бы изменилось. Они могли бы перестать притворяться, будто не предназначены друг для друга судьбой.

Когда Паркер мчался по улице, его взгляд ловил каждый ресторан, в который они ходили, каждый кинотеатр, где они встречались. Но в Фоллен Оукс полно сетевых ресторанов, втиснутых между магазинами. Он не смог точно определить местонахождение «Дейри Квин» и оживить связанное с ним романтическое воспоминание.

И все-таки у него всплыло одно воспоминание, когда они проезжали мимо автостоянки у захудалого магазина подержанных вещей, и Паркер постучал по окну, чтобы привлечь внимание Руби.

– Помнишь тот Хеллоуин, на второй год учебы? Ты направлялась в этот магазин вместе с Джунипер Торрес...

– Помню, – тихо ответила Руби. Она не улыбнулась, но и не нахмурилась. Это могло стать началом.

– Ты была самой красивой девочкой, какую я когда-либо видел.

– Ты видел меня раньше.

– Знаю, – согласился Паркер. – Но каждый раз был как первый.

Руби опустила глаза. Ему хотелось забраться в ее голову и прочесть ее мысли. Он чуть было не потянулся за рукой девушки. Вместо этого он стал смотреть в окно, вспоминая тот вечер.

Это случилось после захода солнца. Паркер уже какое-то время ждал их. Он услышал разговор девочек в школе, они планировали встретиться возле магазина подержанных вещей после обеда, поэтому он подъехал к моллу около половины шестого и ждал, сидя в автомобиле. Когда девочки, наконец, приехали (почти через час), он настраивался на встречу – слушал рок-музыку на волне 102,5, включив максимальную громкость, и обдумывал, что он ей скажет.

«Я тебя люблю» – это слишком.

«Я тебя хочу» – совсем не годится для такой девочки, как Руби.

«Ты мне нужна» – он выставит себя приставалой, и Руби посмеется над ним.

Но она действительно была ему нужна. Он отчаянно хотел ее. И он любил ее так давно, что и сам не помнил, когда это началось.

Паркер вылез из машины. Девочки шли через автостоянку к моллу и болтали. Он знал по тем обрывкам их разговора на ланче, что на Хеллоуин они хотят нарядиться в костюмы зомби, изображая Ромео и Джульетту. Все остальное Паркеру было безразлично. Достаточно было знать, что каждая сволочь в городе не сможет увидеть, как покачиваются ягодицы Руби. И ее белые, пышные бедра. Груды, которые продолжали колыхаться даже когда она останавливалась.

Паркер был уже на середине автостоянки, когда услышал этот голос. Высокий и гнусавый, он настиг его сзади, и все его тело напряглось.

– Да, у нее классные сиськи, но семейка у нее дрянь.

Паркер обернулся, сжимая руки в кулаки. Там, возле мусорных баков, стояла группка тощих первогодков с бледной, как у вампиров, кожей. Стоящий в центре с вождением уставился на Руби.

Паркер не раздумывал. Он просто подошел к мальчишке и поднял его за воротник. Швырнул на ряд мусорных баков так, словно тот ничего не весил. Остальные подонки разбежались, и Паркер вытер ладони о штаны. Когда он подошел к Руби, она смотрела на него так, будто он был солнцем, а она до этого жила в темноте. Она взяла его руку и положила ее себе на грудь.

– Ты это чувствуешь? – спросила она, ее сердце стучало ему в ладонь. Стремительно, словно она бежала марафон. – Оно бьется для тебя.

Вот и все. Он принадлежал ей, а она *ему*. Теперь, когда автостоянка пропала из виду, Паркер спросил ее, помнит ли она, что чувствовала в тот день. Тот жар, вспыхнувший между ними.

– Было тепло для октября, – ответила она, и у него все внутри сжалось. Но через минуту она прибавила: – Это было похоже на сказку. Ты пришел за мной и дрался из-за за меня. Никто никогда раньше из-за меня не дрался.

Паркер кивнул, чувствуя, как что-то между ними изменилось.

– Твой мудак-отец так точно бы не поступил, – сказал он, напоминая ей, что он не такой, как все остальные. Напоминая ей, что он лучше.

– Да, скорее он бы дрался *со мной*. – Руби поежилась. – Этот человек любил спорить.

Паркер нахмурился. Ему не следовало говорить о ее отце. Эта тема вызывала у Руби горечь. Даже еще до того, как ее отец покинул город, она вызывала у Руби горечь.

– Я всегда хотел тебя защищать, – признался он.

– Я хотела, чтобы ты меня защищал, – сказала Руби, и ее голос поразил его. – Я тогда думала, что нуждаюсь в защите. Теперь я думаю, что ты похож на тот револьвер, который купила моя мать, когда исчез отец. Мощный символ, но бессмысленный. Какой смысл в оружии, если ты из него не стреляешь?

– Так стреляй из него, Руби. Достань револьвер и...

– Это другая проблема, правда? Если я достану револьвер, что будет, если ты повернешь его против меня? Кто защитит меня тогда?

– Шейн Феррик? – выпалил он и даже не пожалел об этом. Он ненавидел Шейна Феррика. Даже сейчас он его ненавидел. Может, даже еще больше, потому что теперь Руби не мог надоесть этот парень. Отшвырнуть его прочь, как она поступила с Паркером.

– Никогда не смей... – начала она, и ее лицо стало таким красным, как в тот день, на автостоянке. На этот раз оно горело от ярости, а не от волнения. Ее рука дергалась, и она прижимала к груди сумочку.

– Прости меня, Рубс, – сказал Паркер. – Я не хотел. Просто... когда я тебя снова увидел...

– Ты видишь меня каждый день в школе, – резко бросила она, все еще сжимая сумочку. Она прижимала ее к себе так, будто любила ее.

Паркеру хотелось вырвать сумочку у нее из рук.

– Я вижу тебя, а ты смотришь сквозь меня.

– Да, – согласилась она. – Я теперь вижу тебя насквозь. Я вижу сквозь иллюзию.

– Что это значит? – Паркер нажал на тормоз, когда желтый «ягуар» пронесся мимо них, чуть не сбросив их автомобиль с дороги. Они оба подскочили, потом покачали головой. Они знали, кто сидит за рулем той машины.

– Ты думаешь, он едет туда же, куда и мы? – спросил Паркер, глядя вслед автомобилю, виляющему с полосы на полосу. «Ягуар», когда-то подаренный Паркером, был весь покрыт вмятинами и царапинами.

Руби пожала плечами.

– Похоже, что так. Брет получил стипендию за успехи в боксе. Брет бросил бокс...

– И лишился стипендии. Ему придется как-то выбираться отсюда.

– А как ты? – Она посмотрела на него. – Твой папа разве не может заплатить за колледж? Сколько семей сеть гипермаркетов Джерико Эддисона лишила бизнеса в этом году? Наверняка часть тех денег досталась тебе.

Паркер даже не дрогнул. Он привык к тому, что люди завидуют успеху его семьи.

– Нельзя разбогатеть, отказываясь от дармовых денег, Руби. Стипендия в пятьдесят тысяч долларов – большие деньги.

– Тебе они не нужны!

– Зато тебе нужны. Послушай, у меня идея. Если я выиграю, я скажу фонду, что хочу поделиться с тобой этими деньгами.

– Ты поделишься стипендией? – спросила она, искоса взглянув на него.

По спине у него пробежала дрожь. Он понимал, что Руби хочет его как-то подставить, но не понимал, с какой целью. – Конечно, поделюсь, Руби. Ты же знаешь, я...

– Кого ты хочешь одурачить? – Руби сверкнула злобной улыбкой. – Паркер Эддисон ни с кем не делится.

Оставшуюся часть пути они проехали молча. Паркер кипел от злости, сжимая руль так, как ему хотелось бы сжать Руби. Ему хотелось обнимать ее, целовать, заставить ее вспомнить, что значит чувствовать полное слияние друг с другом.

Руби смотрела в окно и молчала.

Когда они приближались к длинной, извилистой подъездной дороге, ведущей к особняку на Черри-стрит, Паркер перевел взгляд на сумку, лежащую на заднем сиденье. В приглашении его просили взять на вечеринку веревку. И если *хоть кто-нибудь* попытается помешать ему снова завоевать любовь всей своей жизни, Паркер достанет эту веревку и пустит в ход все свое воображение.

4

Тупоголовый

Брет Кармайкл ненавидел свою жизнь. Он понимал это с пугающей ясностью, подъезжая к особняку на Черри-стрит. Поместье стерегли ворота из кованого железа, и когда они распахнулись, Брет представил себе, как одна из пик вонзается в его живот. И все заканчивается. За последний год у него очень часто возникали подобные мысли, и хотя он не назвал бы их приятными фантазиями, всегда на миг испытывал удовольствие, которое тут же сменялось приступом паники. Резкой и обжигающей, словно языки пламени лизали его тело. И в этой панике он понимал, что не стал бы залезать на ворота и насаживать себя на пику.

Ему хотелось, чтобы наступила темнота, но сам он не станет ее призывать.

Его останавливал не страх. А скорее тот крошечный, съежившийся человечек, который до сих пор жил в нем и который хотел выжить. Он кричал «борись, борись, борись!», голосом, приглушенным печалью и виной. Но Брет по прозвищу Шею Сломаю боролся всю жизнь, атакуя парней на боксерском ринге и играя роль телохранителя Паркера Эддисона. Борьба втянула его в этот кошмар.

Она не могла помочь ему вырваться. Брет понял это теперь, когда за ним закрылись кованые ворота. Пути отсюда не существовало, дорога только вводила все дальше вглубь. И поэтому он ехал мимо сада с подстриженными в виде фигур деревьями, по направлению к плавательному бассейну. От вида воды у него все внутри сжалось. В бассейне не было бьющих по воде рук, лиловеющих лиц, ни одно тело не шло камнем ко дну, однако он все это видел. Должно быть, это ужасно – вырваться из глубины и тут же сгореть в языках пламени.

Брет поставил автомобиль на стоянку. Вылез из него. Глубоко вздохнул. Ему только нужно пережить эту вечеринку, выиграть пятьдесят тысяч и убраться к чертям из этого душного города. Конечно, в прошлом году ему предложили стипендию за достижения в боксе, но после той вечеринки на холме он больше не мог делать из людей фарш. Не мог с улыбкой на лице превращать в месиво лицо другого парня. К сожалению, когда с боксом было покончено, оплачивать школу стало почти невозможно. Брет учился на твердые тройки, и то благодаря жалости сочувствующих ему учителей. Он не развил никаких других талантов, не приобрел никаких других навыков. Разрушение – это единственное, на что он способен.

Вот почему он намерен получить *эту* стипендию, думал он, торопливо шагая по дорожке. Он поедет в любой колледж, куда его примут, лишь бы он находился подальше отсюда. И да, даже несмотря на свое отчаянное положение, Брет понимал, что условия странные и Инспектор манежа ведет рискованную игру. Иначе зачем для его костюма потребовался кастет?

Эта вечеринка скрывала острые зубья.

Перед ним появился дом, и в нем тоже были острые зубья. Брет запрокинул голову, чтобы увидеть его целиком. Сооружение из светлого камня с черной крышей на башнях. Черная арка двери. Когда-то, в двадцатых годах прошлого века, в этом особняке проводились пышные вечеринки, но эпоха Гэтсби сменилась Великой депрессией, а дом превратился в развалины. С тех пор особняк несколько раз сменил хозяев и, наконец, попал в руки богатого филантропа, у которого было больше домов, чем пальцев на руках. Мистер Ковингтон Сент-Джеймс сдавал особняк для множества мероприятий, твердо решив возродить часть его прежней славы.

Но не все можно возродить. Да, от вида особняка дух захватывало, но фасад осыпался. Черная дверь отчаянно нуждалась в новом слое краски. Брету казалось, что в каждой комнате горит по люстре, но свет лишь делал заметнее недостатки дома.

Это Брет мог понять. Издалека его лицо напоминало лицо херувима с розовыми щеками фарфоровой куклы. Он брил голову из соображений практичности, но это лишь делало его

еще более похожим на кукольного младенца. Однако чем ближе люди подходили к нему, тем лучше они видели его недостатки. Зуб, сломанный во время первого матча по боксу. Шрам на животе. Взгляд блестящих светло-карих глаз был взглядом хищника, как будто Брет был волком, лапа которого попала в капкан. Следует ли ему отгрызть ее или подождать, пока его найдет охотник?

Брет всегда чувствовал себя так, словно он попал в ловушку и решает, сдаться или лишиться части себя, чтобы выжить. Он чувствовал себя так еще до рождественской вечеринки у Далии Кейн, даже до того, как занялся боксом. Но если бы он выбрался из этого города, может, он смог бы избавиться от этого ощущения и начать все заново.

Теперь перед ним высилась дверь парадного входа. Брет стоял перед ней, как маленький мальчик у дома сказочного великана. Он ожидал увидеть тяжелый дверной молоток, возможно, в виде головы льва из отполированной бронзы, и стук его костяшек по дереву показался очень тихим. Он уже собирался позвонить в звонок, когда его окликнули сзади. Брет обернулся, сердце его забило. По дорожке к дому подходил единственный человек в Фоллен Оукс, который заставлял его чувствовать себя живым.

– Я надеялся, что ты придешь сюда, – произнес Паркер Эддисон.

5

ОДИНОКИЙ ВОЛК

Гэвин Мун наблюдал издалека. Так ему было удобнее. В дни юности ему хотелось выйти вперед, шагать рядом с высокопоставленными лицами, которые управляли Фоллен Оукс. Это была не какая-то там рядовая группа поддержки спортивной команды. Паркер Эддисон никогда не упадет в грязь (для этого есть Брет), а Руби Валентайн не способна махать помпонами, ее сбили бы с ног ее собственные сиськи. Нет, в иерархии Фоллен Оукс заправляли лучшие и самые умные во всех категориях. Именно это так злило Гэвина. Он не только плодовитый автор, но его соло на гитаре может заставить душу расстаться с телом. Однако Гэвина никогда не приглашали в это избранное общество, и он привык жить вне его.

Раньше его это возмущало, но теперь он понял, что расстояние может дать более широкую перспективу. Шагая по дорожке, он заметил макияж, которым Руби пыталась скрыть темные круги под глазами, и сжавшиеся в ее присутствии кулаки Паркера. Тем временем Брет держал *свои* кулаки в карманах, вероятно, из-за ощущения, что его руки в крови. Джунипер Торрес была единственной чистой личностью среди них, но даже у нее была тайна.

У всех у них была тайна.

Может быть, именно поэтому она так волновалась по поводу стипендии.

– А вы, ребята, подавали заявление на стипендию? То есть вы действительно заполняли анкеты? – Она переводила взгляд с одного на другого, хмуря брови.

– Я подавал, – ответил Паркер раньше, чем кто-либо успел заговорить. – Ну, наставник выдвинула мою кандидатуру, но это ведь ее работа. Я даже подсказал ей несколько имен, когда она мне сообщила, что возможность получить стипендию открыта для всех.

– Неужели? – Руби посмотрела на него и прикусила губу. – Кого же ты назвал? Нас всех? Паркер покачал головой.

– Только тебя и Брета. Но я видел список имен, которые она рассматривала, и я совершенно уверен, что имя Джунипер там было. Ее имя и имя того парня, который вечно вертится поблизости...

– Привет, ребята, – крикнул Гэвин, перебивая Паркера. Он взбежал по ступенькам крыльца и небрежно, уверенно, с превосходством кивнул Джунипер. Совершенно холодно и учтиво. По крайней мере, он надеялся, что выглядит именно так, но стоило ему встретиться взглядом с Паркером, как зубы его сжались. – Мы собираемся войти или как?

– Никто не отвечает, – сказала Руби, теребя волосы. Красная помада почему-то делала ее похожей на инопланетянку, голубые глаза подчеркивали почти потустороннюю бледность ее лица. – Может, есть черный ход?

Гэвин улыбнулся и склонил голову к плечу.

– Может, есть черный ход? В дом? Молодец, Вероника Марс³.

Руби окинула его уничтожающим взглядом.

– Ты понимаешь, что я хочу сказать. Может, черный ход открыт. Я пойду и посмотрю.

– Я пойду с тобой, – сказал Паркер, предлагая ей руку. У него на плече висела большая спортивная сумка, и Гэвин невольно подумал: интересно, что в ней лежит.

– Я пойду одна, – отрезала Руби. Она выглядит необычно смелой, подумал Гэвин, когда она сжала свою сумочку и пошла прочь, огибая незнакомый особняк. Но, возможно, она готова на все, только бы уйти подальше от Паркера. Он не мог ее за это винить. Сегодня, подумал он,

³ Вероника Марс – героиня одноименного американского сериала 2004–2007 гг. о девочке-подростке, помогающей отцу-детективу раскрывать преступления.

Руби Валентайн – единственный человек на свете, который ненавидит Паркера так же сильно, как он сам.

Правда, Гэвину не нужно было ходить на свидания с этим парнем, чтобы узнать правду.

Руби отсутствовала недолго. Она вернулась через пять минут, сумочка покачивалась у ее бедра.

– Задняя дверь открыта. Добро пожаловать, – прибавила она ради Гэвина, сверкнув высокомерной улыбкой, от которой у него закипела кровь.

Группа двинулась вокруг дома. Руби шла первой, потом Паркер и Брет, а Гэвин и Джунипер замыкали шествие. Было очевидно, что Джунипер не привыкла ходить на высоких каблуках, и, когда ее туфли заскользили по промерзшей земле, Гэвин предложил ей руку.

– Вот. Позволь мне...

– Сопроводить меня? – предположила Джунипер, беря его под руку. – Клянусь богом, я их сниму, как только представится возможность.

– Тебе следует так и сделать. Я бы огорчился, если бы ты рухнула вниз с лестницы. Тогда нам бы пришлось раскрывать два убийства.

Она рассмеялась, но несколько принужденно.

– Мне нравится твой маскарадный костюм, – сказала Джунипер через минуту, переводя разговор с себя на другую тему. Типично для Джунипер.

– О, этот? Он висел у меня в платяном шкафу, – съязвил Гэвин. Костюм-тройка был смехотворным нарядом, но подходил к случаю. В реальной жизни Гэвин был репортером. Или, скорее, собирался им стать после окончания школы. А пока он выпускал школьную газету и вел собственный блог.

– Да ну, тебе идет этот наряд. – Джунипер поправила его шляпу, сдвинув ее немного набок. Мягкая фетровая шляпа горчичного цвета точно соответствовала цвету костюма, а сбоку выглядывал краешек карточки с надписью «Пресса».

– Мой наряд очень нарядный, – произнес он, подражая бруклинскому акценту. – Ты умеешь играть словами, тебе это известно, кукольное личико?

Джунипер усмехнулась. В последнее время улыбка надолго не задерживалась на ее лице. Только что была, а через мгновение уже исчезла. Ему хотелось, чтобы она продолжала улыбаться, поэтому он сказал:

– И ты, ну... посмотри на себя, малыш. Ты очень похожа на шикарную русалочку.

– Сомневаюсь, – ответила она, шаркая ногами в своем платье в синих блестках. А может, цвета морской волны? Гэвин не мог определить цвет почти в полной темноте, пока они не добрались до заднего патио особняка и не вышли к плавательному бассейну олимпийских размеров.

Руби это тоже заметила.

– Ты соответствуешь ее цвету, – сказала она, показывая на воду, ее цвет совпадал с цветом платья Джунипер. Идеально совпадал. В ответ Джунипер пошла у самой стенки особняка, держась подальше от бассейна.

– С тобой все будет в порядке. – Гэвин помог ей обойти вокруг растения в кадке. На узловатых, колючих ветках отсутствовали цветы, но одна из них, наверное, задела Руби, когда она шла мимо него. Одна-единственная блестка сверкнула на земле. – Никто сегодня ночью не будет плавать, – пообещал он.

Джунипер кивнула, прижалась к нему. Ее волнистые волосы щекотали его шею, он чувствовал ее теплую кожу. Впервые за долгое время Гэвин был счастлив.

А потом его счастье закончилось. Компания подошла к задней части особняка, и Гэвин ахнул. Картина, открывшаяся им, не вызвала никаких особенно дурных предчувствий. Она была даже привлекательной. Двойные стеклянные двери вели в изысканную столовую. Стены, отделанные темным, почти черным деревом, мебель из такого же дерева, но вся отделка из

золота. Золотые подушки на стульях с высокими спинками, позолоченные зеркала на стенах. Люстра, такая огромная, что комната сверкала ослепительным светом.

– Похоже, какая-то старлетка из Золотого века прибрала к рукам замок, – выпалила Руби и потянулась к дверям. Двери легко открылись, и компания вошла в столовую.

– Классное место, – согласился Паркер, проводя пальцами по темному, полированному дереву стола. К кончикам пальцев не прилипло ни пылинки. Он почти ожидал, что дом будет покрыт паутиной, он казался таким... заброшенным. Словно дворец, охраняемый заклятием. И все же некто живой, должно быть, приходил сюда совсем недавно, потому что в черном канделябре, стоящем в центре стола, горели только что зажженные свечи. С золотых конусов накапало совсем мало воска.

На столе было шесть приборов, как заметил Гэвин, а не пять, – и у каждого прибора стоял бокал для вина и сложенная карточка. Паркер сразу же откупорил бутылку искрящегося сидра со стола и разбавил его из карманной фляги Брета. Руби стояла рядом, забавляясь. Тем временем Джунипер отняла свою руку у Гэвина и села на стул. Но она, наверное, не обратила внимания на карточки, потому что села во главе стола, перед карточкой с надписью «Руби Валентайн».

– Думаю, тебе полагается сидеть здесь, – сказал Гэвин, указывая на ее место.

Джунипер кивнула, но не встала со стула. Она казалась сбитой с толку, будто вошла в развлекательный центр и вдруг увидела, что за ней гонятся клоуны-убийцы. Она минуту смотрела в никуда, потом встряхнулась и спросила:

– А где Инспектор манежа?

– Что? – Паркер резко повернул к ней голову.

– Наш гид на этой вечеринке. Разве вы не получили инструкций? – Она открыла свою сумочку цвета павлиньих перьев и развернула листок бумаги. – Мне их доставили вместе с костюмом.

– Мне тоже, – подтвердила Руби, читая через плечо Джунипер.

«В течение обеда, посвященного раскрытию тайны убийства, вы будете играть свои роли в сопровождении вашего руководителя, Инспектора манежа. С его помощью вы обнаружите жертву, найдете улики и раскроете эту тайну».

– Понятно. И где же он? – настаивала Джунипер.

– Может быть, он прячется? – глаза Руби загорелись. – О! Может, он и есть жертва. Это был бы хороший поворот.

Джунипер склонилась над столом, перечитывая инструкции. По крайней мере, Гэвин думал, что она занята именно этим, пока не понял, что она под столом набирает сообщение. Когда завибрировал его телефон, он опустил на свой стул, быстро прочитал сообщение: «Я права, да? Мы не должны быть здесь одни».

«Наверняка, – набрал он в ответ, продолжая смотреть вперед. – Может, Паркер нас разыгрывает? Деньги у него, и он смешивает безумный коктейль, пока мы тут разбираемся, что к чему».

Джунипер фыркнула, бросив взгляд на Паркера. Он вертел в руках свой бокал с напитком и пил маленькими глотками, пока она набирала следующее послание.

«Сомневаюсь. Я изучала эту стипендию несколько дней и не нашла ничего подозрительного. Отправила электронное письмо в фонд и довольно быстро получила ответ. Я даже нашла посты в блогах тех, кто уже получил такую стипендию!»

«Значит, автор розыгрыша не Паркер, – написал Гэвин. – Разве что он действительно...»

Тут до них донесся чей-то голос, женский и, казалось, механический. Гэвин оборвал свое послание на половине фразы. Осматривая столовую, он обнаружил пару колонок над дверью, выходящей в патио.

– Прошу вас сдать сотовые телефоны, – произнес голос.

– Ух. Какого черта? – Паркер заговорил первым, потому что это было в духе Паркера. Говорить, не успев подумать. – Куда их сдать?

– Это не человек, – ответил Гэвин медленным, терпеливым голосом воспитателя детского сада. – Это запись, вероятно, подключенная к таймеру.

Паркер от него отмахнулся. Позади них Брет обыскивал комнату, радуясь возможности решить проблему Паркера и заслужить подачку хозяина. Господи, как Гэвин его презирал. И он понимал, что чем скорее он отпустит свой спасательный трос, соединяющий его с внешним миром, тем скорее начнется конкурс.

Он встал со стула. Из комнаты было два выхода: один вел в темный коридор, другой – в кухню. Гэвин направился ко второму, заметив что-то на вымощенном плиткой полу.

– Сюда. Ребята?

Все обернулись. Даже Джунипер, которую Руби пыталась прогнать со своего стула, обернулась посмотреть, что нашел Гэвин на полу кухни. Кукла. Это была одна из тех трясущихся и раскачивающихся кукол-младенцев, которые дети любят качать на руках, а перед ней лежал поднос с карточкой, на которой было написано: «Электроника».

Гэвин помедлил. Что-то в расцветке этой куклы заставило его остановиться. Этот пучок черных как смоль волос и эти пронзительно голубые глаза... они ему кого-то напоминали. Он подумал, что Руби может слететь с катушек, если увидит ее, поэтому он оттолкнул ее ногой влево, подальше от прохода. Джунипер и так уже на грани срыва из-за бассейна. Он не хотел, чтобы и Руби тоже разнервничалась из-за какой-то мелочи.

Он положил свой телефон на поднос. Брет следующим положил свой мобильный и мобильный Паркера, потому что того нельзя было побеспокоить и оторвать от стола. Девочки нехотя приблизились последними, и когда Джунипер подошла, Гэвин увидел, что она цепляется за свой телефон, как за спасательный плот.

– Это просто глупое правило, – сказал он ей, протягивая руку. – Наверное, Инспектор манежа считает, что мы можем воспользоваться телефонами, чтобы смошенничать.

– Каким образом? – Джунипер перевела взгляд с него на Руби.

– Ужины, посвященные расследованию убийства, обычно устраиваются по определенной схеме, – сказала Руби, протягивая Гэвину свой телефон. – Возможно, в интернете есть подсказки насчет наших персонажей. Очевидно, что *мы* не стали бы играть в эти игры, но не все здесь настолько этичны.

Руби подняла брови, даже не соблаговоллив взглянуть на Паркера, и Джунипер отдала свой телефон.

Гэвин сложил все телефоны на поднос и оттолкнул его и куклу-младенца еще дальше. В освещенную кухню с островом из белого мрамора. Деревянная подставка для ножей стояла посередине этого острова, но все ее ячейки были пустыми. «По крайней мере, мы не станем вонзать ножи друг другу в спину», – подумал он со смехом. Потом бросил взгляд на куклу, и сердце его забило быстрее.

Гэвин поспешил вернуться к столу и сесть на свое место. В это время ожил интерком.

– Добро пожаловать на пятый ежегодный ужин Фонда горящих угольков, посвященный раскрытию убийства! Прошу вас, почувствуйте себя как дома, выпейте и представьте своих персонажей.

Гэвин взял со стола свою карточку. Снаружи стояло только имя «Гэвин Мун», но внутри была информация. Имя персонажа, любовный интерес, оружие и тайна. Он закрыл карточку так же быстро, как и открыл.

Вокруг него происходило то же самое: люди открывали свои карточки, просматривали их, потом закрывали. Брет заливался краской. Руби хмурилась. Паркер сунул свою карточку в карман. Только Джунипер, казалось, внимательно изучала написанное до того, как реагировать на нее, но все время бросала быстрые взгляды в сторону патио. Гэвин пожалел, что

не может задернуть тяжелые шторы на дверях черного хода, чтобы она не видела бассейна. Но такова особенность демонов: они способны преследовать тебя сквозь шторы, даже сквозь стекло. Демоны Гэвина были перечислены в его карточке:

1. Мое имя – **Человек-невидимка**.
2. Я тайно влюблен в **Подводную акробатку**.
3. Мое оружие – фотоаппарат, потому что **я выставлю напоказ каждого из вас**.
4. Моя самая большая тайна – **я готов убить ради популярности**.

Гэвин фыркнул, качая головой. Он не готов убивать ради популярности. Популярность пусть идет в задницу. И все же в каждом из пунктов была крупинка правды, и у него возникло очень странное ощущение, что этот персонаж – преувеличенная версия его самого. По крайней мере, он надеялся, что эта версия преувеличена. Да, он взял с собой фотоаппарат, как ему велели, но не планировал никого сегодня «выставлять напоказ».

Ну, может быть, Паркера, если этот парень не заткнется.

– Погодите.

Гэвин вскочил со своего места и быстро обошел стол. Ему хотелось добраться до шестой карточки раньше, чем Паркер успеет ее схватить. В отличие от других карточек, которые были сложены так, что стояли сами по себе, эта упала и лежала на столе. Поэтому никто пока к ней не потянулся. «Ну, и еще потому, что мы абсолютные «нарциссы», – подумал Гэвин, – и я в том числе». Всем хотелось изучить своего собственного персонажа прежде, чем думать о других.

Он взял карточку, и мурашки побежали по его коже. «Одна из этих штук не такая, как другие», – подумал он. Во-первых, снаружи на этой карточке не стояло полное имя. Только редкие буквы: а н е р и к.

И список тоже отличался от остальных. Гэвин прочел его вслух:

1. Мое имя – **Кукольное личико**.
3. Мое оружие – **элемент неожиданности**, потому что **никто не увидит, что это приближается**.
4. Моя самая большая тайна – **я уже здесь**.

– Тут нет второго пункта, – сказала Руби, подходя к Гэвину и становясь рядом. Паркер фыркнул, несомненно, его позабавил ее подбор слов.

«Надеюсь, он умрет первым», – подумал Гэвин, потом сглотнул, удивляясь, откуда взялась эта мысль. Конечно, они пришли на ужин, посвященный раскрытию убийства, но ведь не они станут жертвами. Входя в дом, он был в этом уверен.

Был ли?

Паркер выхватил карточку из руки Гэвина, прервав его мысли.

– Может быть, Кукольное личико никого не любит, – высказал предположение Паркер, выдав больше, чем намеревался. До этого момента Гэвин не был уверен, что у всех остальных карточки были такими же, как у него. Теперь его охватила уверенность, что на каждой карточке был один и тот же набор сведений. Кроме этой.

Руби склонила голову к плечу.

– Но зачем пропускать одну цифру? Почему не пронумеровать пункты «один, два и три»?

– Потому что отсутствие цифры о чем-то говорит, – ответил Паркер и посмотрел на канделябр. Он разглядывал горящие свечи точно так же, как недавно Джунипер разглядывала плавательный бассейн. У всех были свои слабости.

– О, – произнес Гэвин, когда понял ответ. – У Кукольного личика нет слабостей.

– Ты считаешь, что любовь – это слабость? – Джунипер нахмурилась, глядя на него, а он покраснел и отвел глаза.

– Любовь – это определенно слабость. – Руби взглянула на Паркера, на его новенький зеленый костюм. – Но, с другой стороны, некоторые думают, будто они влюблены, а на самом деле они просто не уверены в себе.

Брет набросился на нее:

– Почему бы тебе не оставить оскорбления при...

– Эй, эй, – вмешался Гэвин. Если они собираются разорвать друг друга на кусочки, то могут сделать это после того, как разгадают тайну. – Я не говорю, что любовь – это слабость. Я говорю, что люди могут использовать ее против тебя.

Джунипер кивнула.

– Поэтому супергерой всегда старается оставаться одиноким, потому что знает, что злодей будет охотиться за той, кого он любит.

– Ладно, поднимите руки, – предложила Руби и первой подняла руку. На ней были ярко-красные перчатки до локтей, точно такого же цвета, как ее волосы. – У кого в карточке есть любовный интерес?

Все подняли руки, кроме Брета. Джунипер подошла к нему ближе.

– Это просто игра, – сказала она. – Персонажи. Брось, Брет.

Гэвина удивило, как мягко она с ним говорит, будто он щенок, которому нужна любовь, а не приспешник чудовища. Но Джунипер знала Брета до того, как он запутался в паутине Паркера, и она, наверное, вспоминала того маленького мальчика с милым лицом. Гэвин не мог позволить себе роскоши вспоминать Брета с любовью.

Ему только хотелось забыть.

В конце концов, они когда-то были друзьями. Теперь это казалось невозможным, но в начальной школе Брет и Гэвин были неразлучны. Они обычно встречались в лесу за своими домами и отправлялись на поиски приключений. Они подбирали с земли ветки и размахивали ими, как мечами. Они искали сокровища. Однажды нашли птичье гнездо, упавшее с дерева, и шестилетний Брет расплакался, боясь, что птенчики не выживут.

Теперь, похоже, он готов был снова расплакаться. Гэвин почувствовал странное желание поговорить с ним. Но он точно знал, чем это может кончиться, знал, чем это всегда кончалось, с тех пор, как появился Паркер.

Брет медленно поднял руку и сказал:

– У моего персонажа есть любовный интерес.

– Значит, у каждого есть своя слабость, – сказал Гэвин, – кроме Кукольного личика. А как насчет этих букв?

– Может быть, это анаграмма? – предположил Паркер.

– Из шести букв? У всех остальных на карточке стоит их полное имя. Погодите... – Гэвин снова всмотрелся в свою карточку, провел пальцами по буквам. – У всех инициалы написаны заглавными буквами. Правильно?

– Он поднял свою карточку, так что все увидели имя Гэвин Мун, напечатанное спереди каллиграфическим шрифтом.

Все кивнули, даже Брет.

– А эти буквы все строчные, – сказал он, указывая на карточку Кукольного личика. – Поэтому, возможно, это не анаграмма, а некоторых букв не хватает, и мы должны их вставить. Мы можем предположить, что две из недостающих букв – это инициалы.

Захрипел интерком, и Гэвин почти ожидал, что голос начислит ему очки за открытие. Вместо этого голос произнес:

– Прошу вас, располагайтесь как дома, выпейте и представьте ваших персонажей.

Джунипер задрожала, и Гэвин снял куртку и набросил ей на плечи.

– Спасибо, – поблагодарила она, вцепившись пальцами в края куртки. – Ты все еще считаешь, что это запись, рассчитанная по времени?

– Сейчас я уже не так уверен, как минуту назад. Но, эй, я буду первым. – И Гэвин гулким голосом объявил: – Я – Человек-невидимка.

– Я – Живой факел, – сказал Паркер, не желая отставать. – И это не имеет смысла, между прочим, потому что я одет в зеленое.

Все разглядывали его костюм темно-зеленого цвета. Именно Руби уловила связь.

– О! Ты – самая жаркая часть пламени, – догадалась она, а Паркер на это усмехнулся.

– Я – Подводная акробатка, – прошептала Джунипер.

– Железный желудок. – Это сказал Брет, и Гэвин уже много лет не слышал, чтобы он говорил таким мягким тоном. Он хотел бы знать, действительно ли Брет потрясен. При свете канделябра, из-за своего темно-лилового костюма, Брет был похож на кровоподтек.

– А я – Фокус с исчезновением, – заявила Руби, делая широкий жест рукой. Гэвин ожидал, что она сейчас присядет в реверансе, но она не стала.

Через минуту интерком заговорил опять:

– Прошу вас, располагайтесь как дома, выпейте и представьте своих персонажей.

– Мы только что это сделали! – рявкнул Паркер. Он спорил с интеркомом, как спорил бы с окошком выдачи ресторана для автомобилистов. Гэвин это знал точно. Однажды, когда он учился на втором курсе, Брет бросил его в багажник Паркера, и мальчишки вместе совершили веселую поездку по городу, покупали еду, потом потолкались на местном рынке и, наконец, подцепили девочек у какого-то низкопробного клуба.

– Прошу вас, располагайтесь как дома, выпейте и представьте своих персонажей. Прошу вас, располагайтесь как дома, выпейте и представьте своих персонажей. Прошу вас...

– Мы представились! Мы выпили! Мы... – Паркер застыл, его взгляд остановился на Гэвине. – Это ты.

– Что? Я первым представился.

– Посмотри на свой бокал. – Паркер фыркнул, бросил взгляд на Брета. Оба парня уже выпили свои бокалы. Бокал Руби уже наполовину опустел. Даже Джунипер сделала один-два глотка.

Оставался Гэвин, один лишь Гэвин, и Паркер ни за что не позволит ему забыть об этом.

– Этот молокосос боится яблочного сидра.

– Я не боюсь, – огрызнулся Гэвин. Ему очень не нравилось, как легко Паркеру удается вывести его из себя. – Я просто не стану пить того, что налил *ты*. Ты, возможно, подлил туда...

Паркер перебил его со смехом:

– Можешь проверить. Конечно, ты не знаешь, как пахнет виски...

– О, ради бога. – Гэвин схватил свой бокал, сделал глубокий вдох. Когда запах ударил в его ноздри, он отдернул голову, его глаза наполнились слезами. Этот сидр был как будто испорчен. Он хотел проверить другие бокалы, пахнут ли они так же, но это вызвало бы гнев Паркера.

Гэвин снова вдохнул, но уже утратил координацию. В глазах все расплылось, а носовые ходы жгло, как огнем. Что-то едкое налили в его бокал, что-то пахнущее, как в химической лаборатории, или...

– Гэвин? – Голос Джунипер звучал слабо, будто она звала его из туннеля.

– Я... – Он поставил бокал на стол, откинулся назад, но его движения были более порывистыми, чем он ожидал. Когда он подался назад, стул подался вместе с ним. Они вместе перевернулись. Они вместе упали. Гэвин вскинул руки, чтобы защитить голову. Последнее, что он увидел, был Паркер, который смотрел на него сверху, и его зеленые глаза сверкали, как изумруды, при свете канделябра.

Потом его веки задрожали и опустились, и он больше ничего не видел.

6 Пьяный нокаут

Когда Гэвин упал, Брет вскочил со стула. Сердце его стучало как молот. Неужели кто-то подлил что-нибудь в бокал Гэвина? Или все это – часть игры? Забавно, как легко было забыть, что вы прибыли на ужин, посвященный раскрытию убийства, когда твой одноклассник лежит без сознания на жестком деревянном полу, но не только Брет растерялся.

Все бросились к Гэвину.

Паркер оказался возле него первым. Он поднес руку ко рту Гэвина, чтобы убедиться, что тот дышит, а Джунипер щупала его пульс. Брет не помнил ни одного раза, когда бы Джунипер не играла роль врача (и всерьез). Тем временем Руби склонилась над телом, она выглядела особенно бледной. Но, с другой стороны, трудно сказать наверняка, потому что Руби всегда была бледной, как привидение. На Брета она всегда производила впечатление существа, которое лишится жизни, если не будет подпитываться энергией от таких парней, как Паркер Эддисон. Каждый, к кому она прикасалась, оказывался сломанным или мертвым.

– Жизненно важные органы у него в порядке, – произнесла Джунипер снизу. – Но я думаю, нам следует вызвать «скорую», на всякий случай...

– Очень жаль, печальный случай, – прервал ее голос из интеркома. – Человек-невидимка слишком много знал. Но кто из этой компании хотел заставить его замолчать?

Брет учащенно задыхался. Он боялся сказать вслух то, о чем подумал: что он точно знает, кто хотел заставить Гэвина молчать. Он невольно бросил быстрый взгляд налево, на парня, который тянулся к бокалу Гэвина.

– Все это часть игры, – заявил Паркер, крутя бокал в руках. Но, должно быть, бокал был влажным от сидра, потому что выскользнул у него из пальцев.

И упал на пол.

– Дерьмо! – Паркер отскочил назад, когда бокал разлетелся на осколки. – Я не виноват, – быстро произнес он.

Джунипер сердито смотрела на него. Они вдвоем наклонились над осколками разбитого бокала, пытаясь найти признаки яда. Но там ничего не было. Ничего на стекле, и ничего в янтарной жидкости, растекающейся по полу. Но некоторые вещества не образуют осадка, и Паркер, должно быть, это знал, потому что он поднес один из осколков к носу.

– Не делай этого, – велел ему Брет. – Ты порежешься.

Проклятье. Ему не следовало этого говорить. Весь этот год он держался так хорошо, очень хорошо. Он отошел от Паркера. Перестал превращать людей в кровавое месиво, и на ринге, и вне его. И хотя стремление избегать неприятностей никак нельзя было считать искуплением, он все время надеялся, что однажды его прошлое будет забыто и он будет чист.

Затем Паркер опять возник на его орбите, и все пошло к черту.

К счастью, он сейчас шел прочь от него, чтобы помыть руки на кухне. Джунипер выдохнула и сказала:

– Ты вовремя вмешался, Брет. Если бы он порезал руку, любой наркотик попал бы прямо в его кровь.

– Джунипер, это игра. – Руби закатила глаза. – Видишь, как Гэвин прикрыл рукой лицо? Это он хочет скрыть улыбку. Он не сделал ни одного глотка!

– Знаю, – ответила Джунипер, явно потрясенная. – Но я хотела удостовериться...

– Смотри. – Руби встала на колени и пощекотала Гэвина под ребрами. Тот вздохнул, слегка дернулся, будто хотел свернуться в клубок. – Видишь? Он старается сдерживать смех. У него хорошо получается...

– Эй, ребята, – окликнул их Паркер, возвращаясь из кухни. – Я думаю, мы должны подыграть.

– О, какой ужас! – воскликнула Руби с невероятно смехотворным южным акцентом. – Наш дорогой друг Гэвин ушел от нас... давайте прочтем его карточку, – прибавила она с коварной усмешкой.

Руби так же быстро вышла из своей роли, как и вошла в роль. Конечно, было бы легче подыгрывать, если бы здесь были нанятые актеры. Невозможно собрать в комнате пятерых одноклассников и надеяться, что они ни на минуту не выйдут из образа. Особенно принимая во внимание то, что им только что сообщили детали образов их персонажей. Но даже это подзрительно, подумал Брет, когда Джунипер подняла с пола карточку Гэвина. Если Гэвин был намеченной жертвой, он должен был знать о своей роли до того, как пришел сюда. А если верить словам интеркома, один из присутствующих – убийца. Брету точно не дали никаких намеков на вину своего персонажа в присланном приглашении, но он хотел быть готовым к такой возможности.

Он хотел выиграть.

Теперь Джунипер развернула карточку Гэвина и вслух читала ее.

«Мое имя – Человек-невидимка. Я тайно влюблен в Подводную акробатку. Мое оружие – фотоаппарат, потому что я выставлю напоказ каждого из вас. Моя самая большая тайна: я готов убить ради популярности».

– «Убить ради популярности». Мило. – Руби фыркнула, и Брет невольно подумал, не пытается ли она отвлечь присутствующих от реакции Джунипер. При упоминании о Подводной акробатке ее лицо залилось краской. Карточка Гэвина была слишком уж точной. Брет незаметно обвел взглядом всех присутствующих, пытаясь представить себе, что было бы написано в их карточках, если бы там написали правду.

«Его имя – Живой факел, – подумал он, бросая взгляд на Паркера, – и он влюблен в Исчезновение».

Это было просто. Описать Джунипер тоже было довольно просто. Она была Подводной акробаткой, и, если верить школьным слухам, она влюблена в сидящую рядом с ней девочку. И все-таки Брету никогда по-настоящему не верилось, что Джунипер хотелось прижать Руби к стенке и поцеловать. Джунипер обожала Руби так, как маленькие девочки обожают друг друга еще до того, как узнают о существовании мальчиков, как будто она всерьез верила, что они вырастут, выйдут замуж, родят детей, и все же будут продолжать любить друг друга больше, чем кого бы то ни было.

К несчастью, все получилось не так, как хотелось Джунипер. Руби все испортила тем, что слишком сильно влюбилась. Сначала в Паркера, а потом... Ну, Брет до сих пор не знал правды о Руби и Шейне.

Даже после того, как посмотрел то видео.

– Давайте по порядку, – сказал он, глядя вниз на лежащего на полу парня. Рукава рубашки Гэвина были закатаны до локтей, а жилетка сбилась в сторону. – Почему Гэвин – это Человек-невидимка? Он одет, как репортер.

– Он наблюдатель, – тут же ответила Джунипер. – Он за всеми наблюдает. А за ним никто не наблюдает.

Брет кивнул в знак согласия. В конце концов, Гэвин ни за что не провернул бы то, что он сотворил на вечеринке в прошлом году, если бы за ним наблюдали.

– Ладно, тогда вполне логично, что он должен стать тем, кто умрет, если у него была возможность все видеть, не будучи увиденным. Но зачем тогда вообще приходиться на вечеринку?

– Может быть, фонд ему заплатил? – высказала предположение Джунипер. – Это должно быть намного меньше пятидесяти тысяч – ведь именно столько всем предложили, правда?

– *Стипендию* в пятьдесят тысяч долларов, – тут же вставила Руби.

Но Паркер выдавил из себя «да» так, будто оно застряло у него в горле. Брет знал этот старый трюк; каким бы ловким ни был Паркер, ему почему-то всегда отчасти хотелось, чтобы люди знали, когда он лжет. Может быть, ему хотелось, чтобы его поймали, или он хотел доказать, что может бросать намеки и все равно ему сойдет с рук все что угодно. Как бы то ни было, Брет перевел взгляд на сумку, висящую на плече у Паркера, гадая, что он там от них прячет.

– Позвольте мне задать вам вопрос, ребята, – сказала Джунипер через минуту. – Никому это не кажется странным? Я хочу сказать, никому не кажется странной вся эта затея?

Берт с трудом сглотнул, чувствуя спазм в желудке во время ответа.

– Конечно, это немного странно. Но разве у нас есть выбор?

Вся компания молчала, каждый думал о том, чего они хотят, и как страстно они этого хотят. Год назад Брет был восходящей звездой на ринге. Джунипер собиралась произнести торжественную речь на выпускном вечере. Руби готовилась к прослушиванию на конкурсе Музыкальной школы Джульярда, а Гэвин и Паркер посещали самые престижные частные колледжи, входящие в Лигу плюща.

Потом, в одну ужасную ночь, все изменилось.

– Я хорошо учусь, – сказала Джунипер, глядя на свои ладони. – Если я сдам на отлично выпускные экзамены и возьмусь сделать дополнительную работу, чтобы повесить оценки, у меня все будет прекрасно, – продолжала она, и никто ее не поправил. У нее все будет прекрасно, это значит, что она будет посещать школу по своему выбору. Но – прощай, речь на выпускном. Прощай, бесплатное обучение. Вот что происходит, если пропускаешь месяц учебы в школе.

Конечно, их оценки уже не были отличными в те недели после несчастного случая. Надежда на любые академические стипендии растаяла, как дым. А для такого ученика, как Брет, который и так учился неважно, уход из бокса означал потерю всего.

Ему эти деньги были нужны больше, чем кому бы то ни было.

– Итак, у нас есть основные догадки, – сказал он. – Но если Гэвин – жертва, это значит, что есть подсказки... у него самого? Ох, Джунипер, проверь его куртку.

– Что? – Джунипер прищурилась. Она явно забыла, что Гэвин набросил ей на плечи свою куртку несколько минут назад. Теперь она сбросила курку и вывернула карманы.

– Ничего нет, – сказала она.

– Погодите. – Паркер присел и сунул руку в карман штанов Гэвина. Смотреть на это было неловко, но через несколько мгновений он вытащил смятый клочок бумаги.

– Па-арни, – проворковал он, разглаживая записку. – «Подождите до четверти... Сделайте вид, что не хотите пить... Едва пригубите сидр... потом падайте». Ох, дерьмо. Это как раз его инструкции.

Джунипер выхватила записку и молча прочла ее.

– Ох, слава богу. Я думала, он... – Она осеклась, качая головой. – Ты меня очень напугал, дурак, – обратилась она к Гэвину, который вздохнул в ответ.

– Я вам говорила, что он притворяется, – криво усмехнулась Руби. – Теперь пошли искать его убийцу. Но где...

Словно в ответ из коридора зазвучала музыка. Карнавальная музыка, идеально соответствующая теме их персонажей. Все повернулись и посмотрели друг на друга – ну, все, кроме Гэвина.

И выбежали из комнаты.

Они остановились у подножия широкой лестницы из кованого железа, которая шла, изгибаясь, на третий этаж. Музыка доносилась сверху. Но все-таки не всех манила эта лестница и те тайны, которые ждали за ней. Руби обернулась и смотрела куда-то за их спины.

– Священный проход в Нарнию, – сказал Брет, проследив за ее взглядом. Там, прижатый к двери парадного входа в здание, стоял шкаф. Брет подошел к нему. Он видел достаточно

фильмов и знал, что убийцы стараются прятаться в нелепых местах, и несмотря на то, что по интеркому намекали, будто один из них хотел заставить Гэвина замолчать, Брета совсем не удивило бы, если бы он нашел убийцу, скрывающегося где-то поблизости. В конце концов, стол был накрыт на шестерых, а на карточке Кукольного личика было написано «Я уже здесь».

– Может, весь фокус в том, чтобы его найти.

К сожалению, шкаф оказался пустым. В нем не было даже зимних пальто. И как ни нравилась Брету идея проскользнуть в другой мир еще тогда, когда он был маленьким, он уже с тех пор бросил искать решение своих проблем в магии.

– Зачем он здесь? – спросил он, пытаясь отодвинуть шкаф от двери. Шкаф не двинулся с места. Ни на дюйм.

– Неужели Инспектор манежа старается запереть нас в доме?

Паркер покачал головой.

– Я думаю, это означает, что парадная дверь – запретная зона. Похоже, нам следует ограничиться...

– Определенными участками дома, – закончил Брет и сразу же испугался. Почему он это сказал? Зачем заканчивает фразы Паркера, будто между ними существует связь? Но Паркер только кивнул, улыбаясь своей веселой, непринужденной улыбкой. Улыбка Паркера была похожа на солнце. Она согревала Брета до самой глубины души.

– Это объяснило бы, почему черный ход не заперт, – рассуждала Руби. – Нам положено исследовать патио.

– Бассейн, – произнесла Джунипер, обхватив себя руками. Руби обняла ее за плечи. Этот жест был ласковым, успокаивающим и совершенно не в духе Руби. Но ведь Руби не всегда была такой бесчувственной статуей, как сейчас.

Прошлый год всех их изменил.

– Значит, идем наверх, – сказала Руби, убирая руку. Но она осталась рядом с Джунипер, а Паркер шел следом. Брет возглавлял компанию, шагая через две ступеньки.

– Как вы думаете, что мы найдем? – спросил он, бросая слова через плечо.

Никто не ответил, но все быстро взбежали по лестнице. Они приступили к расследованию. Брет снова почувствовал себя ребенком, бегущим по лесу темной ночью. Когда ему было шесть, летом он тайком убегал из дома каждую ночь, чтобы встретиться в лесу с Гэвином, и вместе они выкармливали из пипетки пару птенцов. Эти птенцы выпали из гнезда во время бури, и Брет твердо решил не дать им погибнуть.

Теперь, взбираясь на верхний этаж, он говорил себе, что может спасти еще одну жизнь. Свою собственную. Ему только нужно раскрыть эту тайну раньше остальных. Темный, обшитый деревянными панелями коридор уходил вдаль перед ним, в конце его было пять дверей, и он подошел к первой двери слева. Кто-то нарисовал на ней каплю воды. Рисунок был грубый, примитивный, такие рисуют дети, когда родители отвернулись.

– Подводная акробатка, – произнес Брет. Когда Джунипер напряглась, он прибавил: – Это просто догадка.

Но он знал, что прав. Еще до того, как нашел свою дверь, на которой был нарисован маленький меч, он знал, что прав. На двери Паркера был язычок пламени. На двери Руби – привидение. Когда группа подошла к последней двери в коридоре, Брет заметил рисунок, висящий на стене. На него смотрела семья, двое родителей и двое детей с черными волосами. Девочка и мальчик.

– Какого черта? – пробормотал Паркер.

Брет резко повернул голову в его сторону.

– Что? – спросил он, у него вдруг пересохло во рту. Рисунок вызывал тревогу.

– Там ничего нет, – сказал Паркер, указывая на пятую дверь. – Возможно, у Гэвина нет спальни. Он ведь мертв, в конце концов. – Он взял слово «мертв» в большие кавычки, нарисовав их в воздухе, будто заверяя всех, что он пошутил.

Но у Брета все внутри сжалось.

– Нам следует заглянуть внутрь, – сказала Руби и потянулась к дверной ручке, и спазм в желудке Брета усилился. Он был совершенно уверен, что из комнаты доносится музыка.

Он затаил дыхание, когда Руби повернула ручку двери.

– Заперта, – сказала она, отдергивая руку, будто обожглась. Все четверо вернулись к своим, как они полагали, комнатам. Брет и Паркер повертели ручки своих дверей чтобы проверить, не заперты ли замки.

Они были не заперты.

– Думаю, ясно, что мы должны делать, – сказал Брет. Все они стали казаться чуть меньше, чем были минуту назад. Правило номер один, чтобы не встретиться с убийцей, гласило: «Не расставайтесь друг с другом».

Но ни один из них не собирался отступить. Их таинственный благодетель собрал идеальную группу. У каждого была какая-то тайна. У каждого была навязчивая идея. У каждого, вероятно, было оружие, если принять во внимание то, как выложили карточку Брета. Если Инспектор манежа правильно разыграл свои карты, ему не придется открываться перед ними сегодня ночью. Игроки сами проведут конкурс. Прикончат друг друга. Нанесут удар в спины друг друга.

Они одновременно открыли двери и проскользнули в свои комнаты.

7

Иллюзии детства

Джунипер вошла в первую комнату слева и закрыла за собой дверь. Задумалась на минуту, не загородить ли дверь какой-то мебелью, но прятаться от одноклассников не имело смысла. Это же просто игра.

Так она все время твердила себе, но, когда она повернулась и рассмотрела обстановку комнаты, у нее перехватило дыхание. Комната была обставлена, как спальня общежития при колледже. По обеим сторонам стояли сдвоенные кровати, одна с красным одеялом, вторая с белым. Джунипер сразу же догадалась, которая кровать ее. Но это не имеет особого значения, подумала она, подходя к кровати по деревянному паркету. Обе стороны комнаты были оформлены одинаково: на стенах висели фотографии двух улыбающихся девочек, одна с золотисто-смуглой кожей и темными волосами, другая – светлокочая и рыжая. Джунипер и Руби, в костюмах ангела и дьявола, на Хеллоуин. Джунипер и Руби верхом на миниатюрных пони на ярмарке. Джунипер и Руби вместе на уроке плавания.

Они сглотнула и прислонилась к стене. У нее сильно кружилась голова, ей казалось, что она разрывается надвое. Инспектор манежа создал уникальную иллюзию, он забросил ее одновременно и в прошлое, и в будущее. Стены служили свидетельством всего того, что уже было, а сама комната была могильным памятником тому, чего не может быть никогда.

Кровати представляли собой вершины айсбергов. На прикроватной тумбочке Джунипер – рядом с белоснежной кроватью – лежал экземпляр «Анатомии» Грея, медицинская лицензия в рамке и дюжина самодельных поздравительных открыток. Взяв верхнюю, Джунипер прочла черные, небрежные буквы, написанные на лиловом строительном картоне:

Дорогая доктор Торрес!

Благодарю Вас за то, что спасли мою мамочку! Ей уже намного лучше.

Ваш друг, Квин П.

Джунипер содрогнулась и закрыла открытку. Имя Квин П. ни о чем ей не говорило, но намерение Инструктора манежа было ясным. Эта комната являлась воплощением всего того, чего хотелось Джунипер: спальня в общежитии, медицинская степень, письма от родителей тех детей, которых она спасла. Если честно, то степень продуманности поражала. Будто кто-то залез в ее грудь и проник в сердце. Все желания, все устремления выложены перед ней. Если бы она вела дневник, она могла бы поклясться, что кто-то его украл.

Но в этом-то все и дело: Джунипер не вела дневник. Она даже не вела анонимный блог. Инструктор манежа *никак* не мог знать о ней так много, если не наблюдал за ней в течение очень долгого времени.

Или же он проник в ее настоящую спальню.

У Джунипер задрожали коленки, и она присела на край кровати, стараясь делать медленные, размеренные вдохи и выдохи. Этому должно быть логическое объяснение. Половина учеников ее класса знало, что она хочет стать врачом, и любой, имеющий доступ на ее страницу в «Фейсбуке», мог распечатать эти фотографии.

За ней никто не следил.

Ей уже почти удалось справиться с сердцебиением, когда она заметила фотографию на туалетном столике. В отличие от остальных снимков, развешанных на стенах, эта стояла отдельно в рамке из красного дерева. Кровь стучала в ушах Джунипер, пока она шла к ней. Этого снимка не было ни в одном из ее альбомов в «Фейсбуке».

Этот снимок она удалила. Он был сделан в канун Рождества восемь лет назад. Джунипер и Руби (конечно) сидели рядом со сверкающей елкой и держали два неразвернутых подарка.

Фарфоровые куклы.

«*Прекрасные или ужасные?*» – подумала Джунипер, слегка улыбаясь. Когда девочки были маленькие, они считали, что куклы красивые, но, взрослея, они начинали думать иначе. Куклы стали пугающими, их потусторонние стеклянные глаза следили за девочками, свернувшись калачиком в своих кроватках. Эти совершенные губки бантиком, если смотреть на них при определенном освещении, казались изогнутыми в улыбке. В конце концов девочки собрали все свои игрушки и разделили их на две группы: «прекрасные» и «ужасные». Все попавшие в категорию «ужасных» сжигались на костре.

Руби назвала сожжение груды кукол «уничтожением детских иллюзий».

Теперь, встревоженная этими идеальными фарфоровыми лицами, Джунипер положила снимок лицевой стороной вниз на туалетный столик. И тут она заметила позади него подарок. Маленькая черная коробочка, перевязанной красивой красной ленточкой. Она понимала, что ей следует оставить ее там, где она лежит, и убираться к чертям из этой комнаты.

Но не сделала этого. Если в этой комнате находятся ее самые тайные желания, эта коробочка, возможно, хранит ее самую мрачную тайну. Ей нужно узнать, что известно Инспектору манежа, и кроме того, понадобится всего несколько секунд, чтобы вскрыть подарок. Смотри, лента уже развязалась! И Джунипер быстро открыла крышку. Внутри она нашла свернутый листок бумаги, а под ней небольшой пустой футляр. Она полезла в свою сумочку. И достала оттуда тот предмет, который Инспектор манежа велел ей принести на ужин, посвященный раскрытию убийства.

«Оружие».

«То еще оружие», – подумала она, вставляя его на место. Ярро-красный маркер идеально вошел в футляр, словно он был сделан специально для него. Но, вероятно, так и есть, подумала она и дрожащими руками развернула бумагу. Это была фотокопия двух билетов на самолет. Оба до Кубы, отлет 13 июня, на следующий день после выпускного вечера. Под билетами кто-то написал: «Отдай свое оружие, и я сделаю так, что все твои мечты сбудутся».

Руки Джунипер задрожали, и она покачнулась. Комната и так вызывала тревогу. Но это было уж слишком реально. Два билета на Кубу, именно туда, куда хотели улететь Руби и Джунипер, именно на тот день, когда они планировали уехать. Это было жестоко.

– Она никогда не полетит вместе со мной, – сказала Джунипер, стараясь не заплакать. Она разговаривала с пустой комнатой. С Инспектором манежа. Не успела она договорить, как у нее закружилась голова от открывающихся возможностей. Если бы она сумела убедить Руби сесть в самолет, они бы провели неделю вдали от этого места. Одну неделю вдали от воспоминаний. От ошибок. Она могла бы попросить прощения за ту боль, которую причинила, они могли бы помириться...

«Нет, – подумала Джунипер. – Это смешно. Просто полная ерунда». Ей необходимо схватить Руби и выбраться из этого особняка. Они могут вдвоем унести Гэвина, если он не притворится спящим. Паркер и Брет могут последовать за ними. Или они могут убить друг друга, чтобы выиграть приз.

Холод разлился внутри Джунипер, она хотела вытащить маркер из коробочки. Но как только кончики ее пальцев прикоснулись к нему, она услышала вопль из соседней комнаты. Потом грохот, будто чье-то тело ударилось о стену.

Руби.

8

Папочкина дочка

Руби дышала медленно и мерно. Ей удалось остановить дрожь в руках. Но она не могла умирить сердцебиение. Каждый раз, когда она окидывала взглядом странно обставленную спальню, желудок сворачивало спазмом, а сердце выпрыгивало из груди.

Она стояла в комнате, которую выхватили из ее снов. Кровать с красным бархатным покрывалом, настолько старым, что красный цвет стал почти розовым, и туалетный столик, уставленный антикварными безделушками. Руби обожала старинные вещи, нелюбимые вещи, забытые вещи. Ни у одной из ее мягких игрушек не было фабричных глаз. И это тоже нашло свое отражение здесь. Полдюжины плюшевых медведей были разбросаны на кровати, и у каждого вместо глаз блестели бусины.

Красные, конечно. Любимый цвет Руби.

Она подошла к кровати и прижала к груди плюшевого мишку. Это ее успокаивало даже в этой странной ситуации. Забравшись на бархатное покрывало, она легла на спину, надеясь унять судорожно бьющееся сердце.

Ей потребовалась секунда, чтобы заметить этого мужчину. Он смотрел на нее с потолка, у него были рыжие растрепанные волосы. Вот он улыбается. Вот он выглядит задумчивым. Вот он держит на руках рыжего младенца и смотрит на ребенка с такой любовью, что глаза Руби наполнились слезами.

Она резко села, но не могла убежать от него. На прикроватном столике стояла фотография в рамке, сделанная на пикнике, и на ней была вся семья Валентайн. Мать, и отец, и дети. Это была последняя фотография, где они снялись вместе, до исчезновения отца.

Руби закричала и швырнула фотографию в стену.

Стекло разбилось. На мгновение ей стало легче, грудь наполнило тожество справедливого отмщения. Потом она залилась слезами. У нее все расплывалось перед глазами, когда в комнату ворвалась Джунипер, подобно вихрю из голубых блесток и черных волос.

– Что случилось? – спросила Джунипер, бросаясь к ней. – Здесь кто-то был? Тебя обидели?

Руби показала пальцем на пол. Среди разбитых осколков лежала фотография. Джунипер наклонилась над ней, подняла деревянную рамку.

– Кто ее бросил?

На этот раз Руби даже рассмеялась, потом улыбка исчезла.

– Я.

Джунипер прищурила глаза.

– Ты бросила... Ох. – По выражению ее лица, когда она всмотрелась в коллаж над кроватью, было видно, что она поняла. Он был похож на мемориал отцу Руби. Он состоял из гигантских, размером с постер, фотографий. Увеличенных копий с маленьких снимков, размером с открытку.

– Ладно, я должна кое о чем спросить тебя, – сказала Джунипер.

Руби смотрела в пол. Даже сейчас, два года спустя, при виде улыбки отца она сложилась пополам, хватая ртом воздух. Не имеет значения, сколько прошло времени, боль не утихала.

– Спрашивай.

– Откуда эти снимки? Я думала, твоя мама порвала их все, когда он ушел.

Руби медленно кивнула головой.

– Порвала, – ответила она через минуту, не зная, как много ей можно рассказать. – Но она так и не подобрала пароль к его странице в «Фейсбуке». Некоторое время мы проверяли

его обновления, почти каждый час, как одержимые. Искали какое-нибудь доказательство, что он существует. Через год, ничего не выяснив, мы его заблокировали в конце концов, потому что не могли... – Ее голос замер, она уронила голову на руки.

– Прости меня, – прошептала Джунипер, и Руби поняла, что сейчас последует. Еще до того, как слова слетели с губ Джунипер, она это знала. – Прости за то, что сейчас происходит, и за то, что я...

– Не надо. – Руби вскочила с кровати и пересекла комнату. – Я не хочу об этом говорить. Я хочу выбраться отсюда.

– Мы выберемся, – сказала Джунипер ей в спину. – Но мне необходимо, чтобы ты это выслушала, один только раз. Если бы я могла себе представить, что он уйдет из-за...

– А что, по-твоему, должно было случиться? – Руби резко обернулась. – Ты напустила на него копов.

– Руби.

– *Копов.* Ты хоть знаешь, каково это, когда совершенно незнакомые люди приходят в твой дом и задают тебе очень личные, унижительные вопросы? Вопросы о твоём отце, трогали ли он тебя, и «Не могли бы вы показать мне, где именно?» И «Можете сказать, сколько раз?» Боже мой, это было вовсе не так!

– Нет, это было не так. – Голос Джунипер звучал резко. – Только остались синяки на сгибе твоей руки. Маленькие отпечатки в форме полумесяцев на твоей шее. А потом наступил день, когда ты пришла в школу, вся в синяках, и рассказала нам историю о том, как упала с дерева у себя во дворе. Ты сказала...

– Должно быть, я ударялась о каждую ветку, пока летела вниз.

– И тебе поверили, потому что Руби Валентайн всегда была немного безрассудной. Всегда немного диковатой. Легко было представить тебя, висящей на верхних ветках и пытающейся дотянуться кончиками пальцев до луны. Когда ты пришла в класс в темных очках и сказала нам, что играешь в «Голливудскую старлетку», это было похоже на правду. Но больше всего мне понравилось вранье... – Джунипер тряхнула головой, – это когда ты сказала, будто намеренно притворялась неуклюжей, чтобы Эдвард Каллен вмешался и спас тебя от твоей собственной неловкости.

Руби хихикнула, ее щеки залил жаркий румянец. Она почти гордилась той историей. Был определенный шик в том, чтобы отвлекать внимание людей, заставлять их смотреть налево, чтобы они не понимали, что происходит прямо перед ними. Для этого требовался блеск и ловкость рук, и к моменту поступления в среднюю школу Руби стала мастером иллюзий, и в школе, и дома. Ей пришлось стать такой, чтобы защищать сестер. Мать. Саму себя. Каждый раз, когда взгляд отца мрачнел, Руби развивала бурную деятельность, разыгрывала спектакль. Она точно знала, что надо сделать, как рассмешить его, чтобы он забыл о своем гневе.

В большинстве случаев ей это удавалось.

Но время от времени Руби действовала недостаточно быстро, и такие ночи она проводила в объятиях отца, который рыдал, зарывшись лицом в ее волосы. Он говорил ей, что любит ее, просил прощения, и обещал сделать все, чтобы получить помощь. Потому что именно в ней он нуждался. В помощи. В системе любящей поддержки. Не в слезке осуждающих его чужих людей, допрашивающих его дочерей в разных спальнях, пока их мать рыдала на кухне.

– Все лгали, чтобы его защитить. Но после ухода полицейских он выглядел таким сломленным. Таким обиженным. Мы потратили столько времени, придумывая, как ему помочь, но все было зря, не так ли? Потому что на следующее утро он исчез и следа после себя не оставил. Его машина была на месте, но он исчез.

Тихий звук сорвался с губ Джунипер. Такой звук мог издать человек, прижавший к животу летучую мышь. Сунув руку в свою маленькую сумочку, усыпанную блестками, она достала оттуда карточку персонажа и отдала ее Руби.

Руби прочла ее вслух.

«Мое имя – Подводная акробатка. Я тайно влюблена в Исчезновение. Мое оружие – маркер, потому что я разрушаю жизни ярлыками. Моя самая большая тайна – в том, что...»

– ...я хотела, чтобы он исчез, – закончила за нее Джунипер. – Я думала, что это часть игры, понимаешь? Потому что мы были на ужине, посвященном раскрытию тайны убийства.

– Но это не так, правда? – Руби перевела взгляд на потолок. На человека, которого так хорошо знала, который снился ей почти каждую ночь. – Какой во всем этом смысл? Зачем дразнить меня тем единственным, чего я не могу получить?

– Я не думаю, что происходит именно это. – Джунипер оглядела комнату. – Ты получила подарок?

– Что?

– Я получила подарок. Похожий на подарок к Рождеству, только, знаешь ли, от какого-то свихнувшегося Санта-Клауса. – Она обошла вокруг кровати, разбрасывая в стороны мягких зверей. Позади самого большого из них она обнаружила черную коробочку с красной ленточкой.

Руби открыла рот.

– Какого черта...

– Все очень личное, – сказала Джунипер, возвращаясь к ней. – И ничто здесь не является совпадением. Помнишь, как мы играли в медвежью больницу?

– Да, потому что сестры всегда уничтожали моих малюток. – Руби взглянула на медведей на кровати. Как она ни старалась приберечь пару игрушек для себя, девочки всегда умудрялись их найти. И тискали их. И могли залюбить их почти до смерти. – Но кто мог об этом знать? Ты – единственный человек...

– Я не знаю. – Джунипер разорвала ленточку. – Я не знаю, и это меня сводит с ума. Мы играли в ту игру *много лет назад*.

Руби слотнула, когда Джунипер открыла коробочку. Внутри лежал один-единственный листок бумаги, и Руби выхватила его и прочла написанное.

– Нет, это невозможно.

– Что там?

Руби дрожащей рукой протянула ей листок бумаги. Имя «Джеймс Валентайн» было напечатано сверху, а под ним список сведений. Вымышленные имена, последние известные места его пребывания. Если верить этой распечатке, отец Руби недавно был замечен в соседнем графстве, но вся важная информация была закрашена черным. Внизу страницы кто-то написал. «Отдай свое оружие, и я сделаю так, что все твои мечты осуществятся».

Руби повернулась к коробочке. Внутри ничего не было. Даже меньше, чем ничего, потому что коробочка внутри имела выемку очень странной формы. В виде револьвера.

– Руби? – прошептала Джунипер, оглядывая комнату. Ее взгляд остановился в ногах кровати, где Руби бросила свою сумочку. – Что Инспектор манежа попросил тебя принести на вечеринку?

– Думаю, ты знаешь. – Руби медленно двигалась к кровати.

Джунипер следовала за ней.

– И ты принесла игрушку, правильно? Скажи мне, что ты принесла игрушку.

– Я... – Руби прыгнула к сумочке. Джунипер тоже, но Руби опередила ее. – Я хотела, чтобы все было реалистично. В письме говорилось, что подлинность важна...

– Руби!

– Я думала, что мы идем на вечеринку! На ужин, где раскроется тайна убийства. Господи, Джунипер, я бы не принесла *заряженный* револьвер на вечеринку с Паркером Эддисоном. Что, если он завладеет им?

– Я даже не хочу об этом думать. Я просто хочу забрать Гэвина и выбраться отсюда. Ты думаешь, он действительно потерял сознание?

– Потерял сознание от чего? Он ничего не пил! Он поднес бокал ко рту, а потом рухнул. – Руби покачала головой, прижимая сумочку к груди. – Вероятно, он сидит внизу и гадает, какого черта мы так долго не возвращаемся.

– Давай пойдем к нему и проверим, а потом вернемся за мальчиками.

– Мальчики в комнатах рядом с нами! И если мы принесли оружие, я думаю, можно предположить, что...

– Они тоже принесли оружие. – Взгляд Джунипер метнулся к двери. – Они могут вооружить этого тайного соглядатая ножом или...

– Верткой, – закончила Руби и повесила сумочку на плечо. – Но у нас есть револьвер, и насколько всем известно... – Она помолчала, ее губы искривила улыбка. – Этот малыш заряжен.

9

Безнадежный романтик

Паркер свернул веревку, обмотав ее вокруг руки, и аккуратно положил в коробку. «Идеально поместилась», – подумал он, потом снова вынул веревку из коробки. А теперь где ее спрятать? Он сунул веревку под матрас кровати под балдахином. Упал на черные атласные простыни, перевернулся на спину и попытался нащупать веревку. Комок явственно проступал под правым бедром.

Нет, это не годится. Паркер приподнял матрас и вытащил веревку. Внимательно обвел взглядом комнату. Напротив кровати висело золоченое зеркало, словно из сказки, где в него смотрелась злая королева, что милее всех на свете. Но если он спрячет веревку за зеркалом, она может выпасть. В комнате не было ни туалетных столиков, ни полок. Она была идеально, элегантно простой. Кровать с рамой из красного дерева. Маленькая тумбочка, на ней букет роз...

Конечно, прикроватная тумбочка! Паркер положил веревку в крохотный ящичек и затолкал ее подальше в глубину. Потом минуту постоял перед зеркалом, старательно растрепал волосы. У него быстро билось сердце. Прошло уже много времени с тех пор, как он оставался наедине в спальне с любовью всей своей жизни. Когда раздался стук в дверь, он сидел на кровати и вертел в руках розу.

– Паркер? Парк? – Голос был тихий и приятный. Руби Валентайн. «Моя Руби», – подумал он, откашливаясь.

– Входи.

– Нет, тебе нужно выйти. – На этот раз голос был хриплый и резкий. Джунипер Торрес. Конечно. Паркер оставил этих девчонок наедине на десять минут, и они уже объединились. Сговорились не пускать к нему Руби. Он встал с кровати. Здесь ему придется проявить ловкость. Одно неверное движение, и Джунипер навсегда настроит против него Руби.

Слегка приоткрыв дверь, он высунул наружу голову.

– Руби, – произнес он осторожно. – Мне нужно кое-что тебе сказать.

Руби ближе наклонилась к двери, как он и ожидал. И пока она не опомнилась, Паркер схватил ее за руку и рывком втащил в комнату. Захлопнул дверь и повернул защелку замка, оставив Джунипер снаружи.

– Какого черта? – возмутилась Руби, а Джунипер заколотила в дверь. – Думаешь, что можешь хватать меня и...

– Руби, здесь происходит что-то странное. – Паркер прислонился к двери, позволив пряди волос упасть ему на глаза. Он знал, что Руби очень нравилось, когда его волосы слегка растрепаны. Прежде она обводила кончиками пальцев контур его лица и заправляла пряди ему за ухо.

Сейчас она просто уставилась на них, но не попыталась к ним прикоснуться.

– Я знаю, что тут что-то не так, – ответила она, бросая взгляд на дверь. – Поэтому мы хотели с тобой поговорить. Этот Инспектор манежа...

– Он преследует людей! Ты не поверишь, что он пытался провернуть со мной. Он действительно думал, что я могу торговать...

Паркер покачал головой и протянул ей несколько листов бумаги, лежавшие на кровати.

Руби взяла эти страницы и молча пробежала их глазами.

– Откуда, черт побери, ты это взял?

– Мне их оставил Инспектор манежа. Я нашел их в коробке.

– Паркер, это все мои поступки за последние три месяца. Письмо о приеме из Джиллиарда, та квартира, которую я высмотрела в городе. Подсказка насчет работы в книжном магазине. Только адреса затушеваны. – У нее тряслись руки, пока она перелистывала страницы. – Зачем они тебе?

– Чтобы я мог следить за тобой.

Руби вскинула голову, в гневе прищурила глаза.

– Прошу прощения?

– Нет, ты не понимаешь. – Он потянулся к ее руке, но она отдернула ее. – Я бы никогда этого не сделал. Я не собираюсь тебя выслеживать. Просто этот Инспектор манежа думает, что я этого хочу.

– Почему? – Она села на кровать, слегка поерзала в своем блестящем красном платье. Паркер обрадовался, что не спрятал веревку под матрасом.

– Потому что я тебя люблю, – ответил он, опускаясь перед ней на колени. – Ты – единственная, кто мне когда-либо был нужен, и когда я тебя потерял, я просто обезумел.

Руби фыркнула.

– Не выдумывай, Парк.

– Я... – Он с трудом сглотнул и опустил голову. На этот раз, когда волосы упали ему на глаза, он заметил, как дрогнули ее пальцы. – Я знаю, что совершал ошибки. Большие ошибки. Но это... – Он указал на страницы, которые она все еще сжимала в руке. – Я бы никогда не стал этого делать. Последовать за тобой в Нью-Йорк? Следить за твоей квартирой? Черт, нет.

Руби внимательно наблюдала за ним и учащенно дышала.

– Хочешь знать, что ты наделал? Я даже не знаю, верю ли я тебе. Я отчасти даже готова поверить, что ты бы последовал за мной в Нью-Йорк, выследил бы мое любимое кафе и сделал вид, будто случайно меня встретил. Ты мне не дал оснований думать иначе.

– Я понимаю, но посмотри. – Паркер достал коробочку из груди подушек на кровати. – Мне полагалось оставить оружие в этой коробке в обмен на те сведения, которые затушеваны здесь. Веревку.

– И ты этого не сделал? – спросила Руби, взяла коробку и посмотрела внутрь. – Ты держишь веревку у себя?

– Я оставил ее в машине. – Паркер взял свою сумку, расстегнул ее и показал, что там ничего нет. – Я собирался принести ее в дом, но в последнюю минуту у меня возникло пугающее ощущение, что я не должен этого делать.

– Тогда зачем ты принес сумку?

– Чтобы создать иллюзию, будто я соблюдаю правила игры. Плюс... – Он приподнял лежащие на кровати джинсы и сорочку. – Я взял смену одежды. Ты знаешь, что я терпеть не могу такие вещи. – Он подергал свой воротник, ослабил галстук. Он видел свое отражение в зеркале, при слабом свете люстры его темно-зеленый костюм казался черным. – Я выгляжу как мертвец.

Руби рассмеялась, и Паркер увидел намек на прежнюю, милую Руби. Та девочка все еще была в ней; ему просто надо вытащить ее наружу.

– Ты и правда выглядишь так, будто нарядился на свои собственные похороны. – Она нахмурилась, глаза ее затуманились. – Поэтому нам нужно выбраться отсюда. Это страшная затея, и теперь мы знаем, что нами кто-то манипулирует...

– Мы не можем уйти! Нам нужно выследить этого нашего недоброжелателя и надрать ему задницу.

Руби склонила голову набок.

– Надрать задницу недоброжелателю? Блестящая идея. Это Брет придумал?

Паркер нахмурился, бросил взгляд на ближайшую от него стену. Во время их разговора в комнате Брета было тихо, но теперь там как будто двигали мебель.

– Не думаю, что мы имеем дело с незнакомцем, – сказал он. – Я думаю, с нами играет кто-то из школы. Если честно, если бы Гэвин внизу не разыгрывал из себя мертвеца, я бы сказал, что это он.

Руби прикусила губу, глядя в сторону двери в коридор.

– Нужно пойти и проверить, что с ним.

– Да, чтобы убедиться, что он не смеется за нашими спинами.

– Паркер, – начала она, но не закончила. Что-то в его словах ее встревожило. – Ты знаешь, это обычный трюк в фильмах ужасов – когда убийца притворяется мертвым.

– Мы вместе пойдем и проверим, как он, – сказал Паркер и повел ее к выходу. Когда они подошли к двери, он повернулся к ней. Их тела практически соприкасались.

– Руби, я хочу, чтобы ты кое-что знала. Если эта вечеринка окажется не просто странной изощренной игрой... если она окажется опасной, я сделаю все, что в моих силах, чтобы тебя защитить. Я брошусь наперерез пуле, чтобы спасти тебя.

Руби подняла глаза, блестящие от слез. В этот момент он понял, что она принадлежит ему. Когда она убрала волосы с его глаз, она ласково улыбнулась, словно вспоминая, как приятно было быть с ним.

– Я очень надеюсь, что ты говоришь это серьезно, – сказала она.

10

Мамочкин любимец

Брет не мог унять дрожь. Сидя на краю кровати, опустив голову ниже колен, он делал глубокие вдохи, стараясь успокоиться. Но фотографии на стене насмехались над ним.

«Ты можешь получить все, что пожелаешь, – шептали они. – Тебе просто нужно сыграть в эту игру».

Проблема была в том, что Брет не знал, в какую игру они играют. Он подозревал, где-то глубоко в подсознании, что предложение стипендии было слишком хорошим, чтобы быть правдой. Но, как и остальные его одноклассники, он так страстно хотел ее получить, что все равно пришел на эту вечеринку.

Что ему было терять?

Теперь, срывая фотографию со стены, он понял ответ на этот вопрос. Это изображение было горьковато-сладким, обворожительным и дразнящим одновременно. Ему хотелось прижать его к груди. Хотелось порвать в клочья. В конце концов, он выпустил его из рук, и оно улетело от него, как и все остальное.

Счастье. Сила. Его мать.

Брет поднял взгляд. Откуда взялась эта мысль? Он не вспоминал о матери уже очень давно. Но здесь, в этой синевато-серой комнате, с решетками на окнах и предвестником смерти за спиной, он поймал себя на том, что старается вспомнить, когда в последний раз был действительно счастлив.

И там была она. С сияющими глазами, красивая, с ниткой жемчуга на шее. Держала в ладонях лицо своего малыша. Фаун⁴ Кармайкл была самой любящей женщиной, которую когда-либо знал Брет, полной противоположностью его отцу.

Неудивительно, что ей пришлось уйти.

Брету было семь лет, когда это произошло, и он помнил все подробности этого праздничного ужина. Его отец был чемпионом-тяжеловесом. Или, правильнее сказать, он прежде был чемпионом-тяжеловесом, но после серии побед в юности он унижительно проигрывал одно соревнование за другим. Теперь он готовился объявить себя банкротом. Но если бы он смог получить спонсорство одной из местных торговых сетей, он бы вернул себе ослепительную популярность, и ему бы не пришлось с позором уходить в отставку.

И ради этого он закатил прием. Он украсил поместье Кармайклов (которым вот-вот должен был завладеть банк) и пригласил два десятка бизнесменов провести вечер с его семьей. Брет лишь должен был сыграть роль идеального сына. Энергичного малыша, идущего по стопам отца.

Борца, такого же, как его папочка.

Переодеваясь в спальне родителей, Брет чувствовал, как у него сжимается желудок.

– Что, если я им не понравлюсь? – спросил он, когда мать поправляла его галстук.

– Ты шутишь? – Она убрала кудри с его глаз. Эти кудри были каштанового цвета, какими были и ее волосы, пока она не начала их красить. Все в ней было немного приукрашенным, но, сколько бы она ни старалась, глаза ее всегда ярко блестели, как у лани. Она была прирученным животным, и это Брет понимал даже в семилетнем возрасте.

Они были совершенно одинаковыми.

⁴ Fawn (англ.) – лань, косуля.

– Они тебя полюбят, – пообещала она, протягивая ему руку. – И это всего на пару часов. Мы исполним наш маленький танец для друзей папы, а потом сможем потанцевать по-настоящему, когда они уйдут. Хорошо?

Брет взял мать за руку.

После этого они стали сообщниками, разыгрывали спектакль перед публикой. Брет обменивался ударами с отцом, в нужные моменты уклонялся от них. А мать стояла совершенно неподвижно, как статуя на аллее, ведущей к дому. Безмолвная и грациозная.

Практически фарфоровая.

Ей хотелось только одного: выйти на балкон и танцевать. Брет это знал. Раньше она была балериной, живой копией девушки из ее музыкальной шкатулки. В конце этого вечера, когда все разъехались по домам, она бы отвела Брета обратно в столовую на третьем этаже, вывела через французское окно на балкон и закружилась в танце. Их дом былстроен в склон холма. Город раскинулся под ними, и звезды мерцали над головой. Миссис Кармайл не выглядела бы зверем, запертым в клетку.

Она была бы свободной.

Она была бы счастливой, а не застывшей статуей из сказки. Не кивающей, обожающей мужа женой. Прошло два часа после начала вечеринки, и Брет понимал, что ее руки и ноги истосковались по движению. Она все время переминалась с ноги на ногу, ее ножки балерины были втиснуты в туфли на высоких каблуках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.